

ЮЛИЯ ШИЛЛОВА

МАСТЕРИЦА ПРОВОКАЦИЙ,
ИЛИ ОДНОЙ НОЧЬЮ ПЕРЕЧЕРКНУТЬ
ВСЕ В ЖИЗНИ МУЖЧИНЫ

Юлия Шилова

**Мастерица провокаций, или
Одной ночью перечеркнуть
все в жизни мужчины**

«Шилова Юлия Витальевна»

2003

Шилова Ю. В.

Мастерица провокаций, или Одной ночью перечеркнуть все в жизни мужчины / Ю. В. Шилова — «Шилова Юлия Витальевна», 2003

Красавица Светлана жила, горя не знала: дом – полная чаша, муж бизнесмен, двое очаровательных детей. Давно и привычно налаженная жизнь рухнула в одночасье – горячо обожаемый супруг ушел к другой и Светлана с детьми осталась без средств к существованию. Любимая подруга Ленка предложила отправиться с ней на заработки в Турцию, Светлана согласилась, не подозревая, что там их продадут в самое настоящее рабство... Книга также выходила под названием «Укротительница мужчин, или Хищница».

© Шилова Ю. В., 2003

© Шилова Юлия Витальевна, 2003

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Шилова
Мастерица провокаций, или Одной ночью
перечеркнуть все в жизни мужчины

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

От автора

Дорогие мои друзья, я очень-очень рада встретиться с вами вновь! Мне так приятно, что вы держите в руках эту замечательную книгу!

В своих письмах довольно часто вы задаете мне один и тот же вопрос: как отличить мои новые книги от тех, которые были изданы несколько лет назад, ведь теперь у них другие названия? Это очень просто. На новых книгах написано: **НОВИНКА**. На книгах, вышедших ранее: **НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ**. Поэтому просто будьте внимательны.

Я бесконечно благодарна читателям, которые коллекционируют мои книги в разных обложках и имеют полное собрание. Для меня это большая честь и показатель того, что я нужна и любима. Переизданные книги заново отредактированы, а у меня появилась потрясающая возможность внести дополнения и новые размышления. Теперь я отвечаю на ваши вопросы в конце книги, рассказываю, что происходит в моей творческой жизни, да и просто делюсь тем, что у меня на душе. Для меня всегда важен диалог с читателем.

На этот раз я представляю на ваш суд роман «Мастерица провокаций, или Одной ночью перечеркнуть всё в жизни мужчины», ранее издававшийся под названием «Укротительница мужчин, или Хищница». Думаю, он обязательно понравится тем, кто будет читать его впервые, а если кто-то захочет перечитать роман заново, я уверена, ему будет безумно интересно пережить все события еще раз. Искренне надеюсь, что он ни в коем случае вас не разочарует и придётся вам по душе.

Спасибо за ваше понимание, любовь к моему творчеству, за то, что все эти годы мы вместе. Я рада, что многие согласились: мои переиздания представляют ничуть не меньшую ценность, чем новинки, которые только что вышли из-под моего пера. Спасибо, что вы помогли мне подарить этому роману новую жизнь. Если вы взяли в руки книгу, значит, вы поддерживаете меня во всех моих начинаниях. Мне сейчас, как никогда, необходима ваша поддержка...

Я благодарю вас за любовь, неоценимую поддержку, за дружбу, за то, что наша с вами любовь так созвучна.

Заходите на мой новый официальный сайт: www.юлия-шилова.рф

На сайте я с огромным удовольствием общаюсь со своими поклонниками. Если вы ещё не с нами, то обязательно присоединяйтесь! Мы очень ждём. На форуме моего сайта мы делимся радостями, горестями, переживаниями и протягиваем друг другу руку помощи. **МЫ СЕМЬЯ**. У нас собрались самые красивые, самые прекрасные и просто потрясающие люди, от которых идут свет и тепло. Приходите! Не пожалеете! Я буду ждать...

Внимание! У меня новый адрес абонентского ящика:

143964, Московская область, г. Реутов, а/я 877.

До встречи в следующей книге.

Я приложу все усилия для того, чтобы она состоялась как можно скорее!

Любящий вас автор,

Юлия Шилова.

*Я согласна жить в мире, которым правят мужчины, до тех пор,
пока могу быть в этом мире женщиной.*

Мэрилин Монро,

американская киноактриса

Глава 1

Тоскливые капельки дождя, обгоняя друг друга, бежали по оконному стеклу. Точно такие же слезинки текли по моим щекам. Я стояла у окна и плакала. Ну вот и все, Светка... Закончился очередной эпизод в твоей жизни длиной в несколько лет. Психологи утверждают, что самое тяжелое испытание для женщины – узнать, что ее бросил любимый. Боже, как же они не правы. Настоящий кошмар для женщины – это знать, что ее бросил муж.

Мне чертовски плохо. Господи, кто бы только знал, как мне плохо! В последние дни я двигаюсь, как лунатик, и едва держусь на ногах. А сегодня... Сегодня я в первый раз за несколько дней посмотрелась в зеркало и пришла в ужас. Мне показалось, что к моим годам прибавился еще десяток. С самого начала было понятно одно – мне просто бессмысленно тягаться с молодой соперницей.

А ведь все так прекрасно начиналось. Мне всегда все завидовали. Такой муж! Красавец! Добытчик! Семьянин! А самое главное, я знала, что Костик меня любит и мы друг друга понимаем, а счастье – это когда тебя понимают... А может, я ошибалась? После того, что произошло, я уже не могу делать какие-то выводы из наших отношений. И все же у нас была любовь, глубокая страсть, родство душ и общность взглядов. Мы понимали друг друга с полуслова... Мы находили друг в друге утешение... Мы...

Я достала платок и вытерла слезы. Больше никогда не произнесу слова «мы». Теперь будет только одно-единственное – «я». Наверное, я была слишком доверчива, открыта и чересчур слепа... Я пропустила тот момент, когда в наших отношениях появилась трещинка, хотя мне до сих пор кажется, что никакой трещины не было. Просто Константин стал дольше задерживаться на работе, чаще уезжать в командировки и посещать мальчишники... Он начал отдаляться, а я не переставала ему верить и, затаив дыхание, смотрела в его равнодушные и уже какие-то холодные глаза.

Ведь всего несколько дней назад у меня был муж. Любимый человек. Восемилетний Сашка и пятилетняя Катенька мирно спят в своих кроватках, а когда проснутся, спросят меня, когда вернется любимый папочка. Когда я забеременела Сашкой, мой супруг плакал от счастья и буквально всю беременность носил меня на руках. «Еще дочка – и считай, что ты отстрелялась», – постоянно говорил мне любимый, пока подрастал Сашка. И скоро я «отстрелялась», а как же иначе!

За мной и Катенькой муж приехал на белоснежном длинном лимузине. На глазах у всего роддома он торжественно посадил нас в машину и отвез в новую, только что отремонтированную квартиру. А дальше... Шикарный ужин при свечах, шампанское, икра и легкая музыка... Мы лежали в объятиях друг друга и рассуждали, какая на нас теперь лежит ответственность за двоих беззащитных крошек.

Мы любили друг друга, но никогда не говорили о наших чувствах вслух. Костик просто старался, чтобы мы ни в чем не нуждались, а я создавала домашний уют в нашей семейной гавани. У нас не было не то что ссор, даже размолвок. Иногда Костик нежно обнимал меня за плечи и лукаво спрашивал: «Светка, а ты хоть ревновать-то умеешь?» Я удивленно пожимала плечами: «Зачем?» – «Ну мало ли, а может, я загуляю?» – буквально корчился от смеха Костик. «От таких женщин, как я, не гуляют, – самоуверенно заявляла я, слепо веря в то, что говорила. – И вообще ревнуют только те, у кого есть комплекс неполноценности, а у меня его нет. Я самодостаточная женщина».

Мы прожили вместе ровно десять лет. В этом году была бы круглая дата. До нее мы не дотянули совсем немного – каких-то полтора месяца. А самое главное, что за всю супружескую жизнь у меня не было ни одного – да, да, ни одного! – греха. Понятно какого. Я не изменила своему мужу ни разу. Наверное, это покажется смешным, но я вышла замуж девственницей.

Тогда мне было восемнадцать. До Костика у меня были, конечно, поцелуи на лестничных клетках, крепкие объятия, но дальше этого дело не шло. Я была несовременной и именно этим оказалась притягательной для Костика. Если нам дается всего одна жизнь, значит, нам дается всего один мужчина. Именно так считала я и старалась следовать этому правилу.

Все эти годы я считала себя счастливой женщиной, которая пусть и не сделала блестящей карьеры, не получила хорошего образования, но состоялась в семье. Ведь состояться можно не только в работе. Изо дня в день я занималась воспитанием детей, отводила их в школу и детский сад, затем встречала, кормила, делала с ними уроки, гуляла во дворе или ближайшем парке, готовила вкусный ужин и ждала мужа с работы. И так каждый день... И так изо дня в день. Теперь я делаю все то же самое, правда, с трудом и мокрыми от слез глазами... Потому что мне больше некого ждать с работы. Некого! Никто не позвонит в мою дверь, не поцелует в щеку и не наденет домашние тапочки, которые я аккуратно ставлю у самого входа. Никто не ляжет со мной на кровать, не включит телевизор и не будет рассказывать мне о том, как прошел рабочий день.

Моя кровать совершенно пуста, я уже успела спрятать вторую подушку в шкаф... В ней больше нет необходимости. По ночам я искала рукой родное тепло и, не найдя его, заходила рыданиями. Очень тяжело привыкать спать одной, если целых десять лет ты спала в кровати с любимым. Нам было хорошо вместе, мы очень привыкли друг к другу, а привычка, как известно, вторая натура.

Закрыв кухонную дверь, я открыла окно, достала пачку сигарет и закурила. Это были его сигареты...

По вечерам он садился у окна, наливал чашку чая и закуривал. Я пристраивалась рядом и постоянно сетовала на то, что в квартире находятся дети, что надо бросать курить и не доставлять неудобств своим близким. Тогда я ругалась, а теперь закурила сама. Бог мой, кто бы мог подумать, что я когда-нибудь закурю?

Я вспомнила тот страшный день... Костик, как всегда, пришел с работы, я протянула ему домашние тапочки, но отметила что он как-то необычно нервен. К нему радостно бросились дети, но он выпроводил их в детскую, сказав, что папе и маме надо поговорить. Я вытерла руки о фартук и убежала на кухню дожаривать пышные оладьи, крикнув Костика на ходу, что мне нужно ровно десять минут.

Но Костик сказал, что он не голоден, а от жареного теста у него появляется изжога. Я решила, что у мужа неприятности на работе, что он просто не в духе и очень устал. И молча принялась дожаривать эти злосчастные оладьи, которые раньше Костик постоянно нахваливал и поглощал в невероятных количествах. Я надеялась, что сейчас муж успокоится, переоденется, зайдет на кухню, как всегда, поведет носом и восторженно скажет, как же ему повезло с женой, потому что ни одна женщина на земле не сможет испечь такие оладьи, какие получаются у меня. Но Костик не переоделся. Он буквально влетел на кухню, выключил плиту, схватил сковородку и злобно выкинул оладьи в мусорное ведро.

У меня загорелись щеки, словно я стояла на двадцатиградусном морозе без одежды, и застучало в висках.

– Кость, ты что? На работе что-нибудь случилось?

– Нет, дома! – заорал Константин и шарахнул кулаком в стену.

– Тише ты, соседи придут. Да что с тобой?

Испуганные дети, заглянувшие на кухню, быстро ушли в свою комнату и закрыли дверь.

– Что случилось? – настаивала я, чувствуя, что сейчас разрыдаюсь. – Дома у нас все хорошо. Дети, слава богу, здоровы. Я тоже. С голоду не умираем. Так что же приключилось?

Костик недобро усмехнулся:

– Я полюбил другую.

– Что? – Земля ушла у меня из-под ног.

– Что слышала. Я полюбил другую женщину и нам надо расстаться.

– Понимаю, – кивнула я. – Но я люблю тебя...

– Наши чувства в прошлом. Это было давно, и сейчас кажется, что этого вообще никогда не было.

Еще никогда в жизни я не видела своего мужа таким жестоким и беспощадным. Казалось, что передо мной не мой Костик, а чужой, совершенно незнакомый человек.

– Костя, но ты же знаешь, что я тебя очень люблю... У нас двое детей. Дочь и сын...

– Я помню. Лучше бы ты их не рожала, – резко перебил меня муж.

– Как это... не рожала? Ты же меня сам об этом просил! Наши дети не были случайными, их рождение планировалось. Они родились от любви. Я говорила, что нам достаточно одного, но ты сам попросил меня о дочери. Ты утверждал, что семья считается полноценной, только если в ней как минимум двое детей.

– Вот именно поэтому мне нелегко от тебя уйти. Я уйду с тяжелым камнем на душе. Ты даже не представляешь, что это за камень и как мне с этим камнем придется жить.

– А ты собрался уходить? – Я сняла фартук и швырнула на пол. – А зачем? А куда?

– Света, я полюбил другую. Больше не могу с тобой жить!

– Почему? – прошептала я. – Как это? А как же я, Сашенька, Катя? Как же мы? – лепетала я и молила господу только об одном – чтобы он не дал мне сойти с ума.

Костик усадил меня за кухонный стол, достал из шкафчика бутылку коньяка и налил мне рюмку.

– На, выпей.

– Я не хочу.

– Легче станет.

Я выпила и посмотрела на него с мольбой:

– Скажи, что ты пошутил. Ведь это глупая шутка? У тебя был напряженный день на работе, настроение соответствующее, и ты решил отыграться на мне и детях...

– Вот этих разборок я боялся больше всего на свете. Понимаешь, я хочу уйти без всяких объяснений, слез, истерик и сцен. Я тебя больше не люблю, понимаешь? Не люблю!

– Не надо кричать, – тихонько всхлипнула я. – Не надо мне объяснять, что такое любовь.

– Мне не нужна твоя любовь. И ты не нужна. Светка, ты молодая, красивая, еще сможешь устроить свою судьбу.

– С двумя детьми?

– Берут и с тремя. Если человек полюбит тебя, он обязательно полюбит и твоих детей, – принялся уговаривать меня Костик.

– Моих? Значит, ты никакого отношения к нашим детям уже не имеешь? Это наши дети! Понимаешь, наши!

– Не кричи, я не глухой, – недовольно поморщился Костик. – Это ты совершенно правильно заметила – дети наши. Но ты сама знаешь, что после развода дети остаются с матерью, и от этого никуда не денешься. Моя будущая жена еще слишком молода для того, чтобы иметь детей, но думаю, что в скором будущем мы их обязательно заведем.

– Как ты сказал? Твоя будущая жена? Но ведь я твоя жена... – Я почти потеряла рассудок. – О какой будущей жене ты говоришь, если у тебя есть я? Я и наши дети.

– Свет, я же тебя просил. Давай без истерик. Пожалуйста, я очень тебя прошу. Сейчас соберу вещи и уйду. Квартира, обстановка, шмотки – все остается тебе и детям. Я ни на что не претендую. Ты же знаешь, что я заработаю еще. На алименты подавать не надо. Мы с тобой цивилизованные люди и прекрасно понимаем, что все вопросы надо решать полюбовно. Каждый месяц я буду давать тебе на детей деньги, об этом можешь не беспокоиться. Только...

– Что, только? – Я посмотрела на своего «чужого» мужа с ненавистью.

– Только я буду давать деньги именно на детей, а не на тебя. Сама понимаешь, что я больше не в состоянии оплачивать твои женские безделушки и шмотки. У меня теперь новая, молодая семья, нужны конкретные деньги. Светка, ну что ты так смотришь? Ты хоть понимаешь, о чем я тебе говорю?

– Не понимаю, – я отрицательно покачала головой, действительно не понимая, что происходит и почему Костя говорит со мной таким тоном. Всегда казалось, что такая старая, как мир, история может приключиться с кем угодно, но только не со мной.

– А что тут непонятного? – вспыхнул Константин. – Свет, короче, я собираю шмотки и сваливаю. По-моему между нами всё ясно.

В подтверждение своих слов Костя направился в прихожую к шкафу, достал чемодан на колесиках, который он приобрел для заграничных командировок, и принялся швырять в него свою одежду.

Я растерялась и глупо спросила:

– Ты что делаешь?

– Вещи пакую.

– Зачем?

– Затем, что уйду. Я же уже тебе всё объяснил.

Неожиданно в дверях появились растерянные дети.

– Мам, а что тут происходит? – спросил сын совсем как взрослый.

– Папа уходит, – еще больше растерялась я.

– Папа, ты уезжаешь в командировку? – смягчила ситуацию дочь, надеясь на положительный ответ.

Константин промолчал.

Он продолжал набивать чемодан, пока тот не распух до невероятных размеров. Застегнув молнию, он поднял глаза на дочь.

– Слушайте, занимайтесь своими делами. Нам с мамой надо поговорить. Я уезжаю в длительную командировку, а мама помогает мне собрать вещи.

– А когда ты вернешься? – серьезно спросил сын, словно чувствуя неладное.

– Я пока не знаю. Это не от меня зависит. Марш в свою комнату! И закройте дверь! – Константин, никогда ранее не повышавший голос на детей, заорал что было мочи.

Перепуганные дети мигом исчезли.

– С детьми-то так зачем? – Я прикусила от злости нижнюю губу.

– Сама виновата.

– Я?

– Ты!

– Но чем?

– Развопилась на всю квартиру, как сумасшедшая. Могли бы тихо-мирно все решить, и дети бы ничего не знали.

– Но ведь они все равно бы спросили, где их папочка. И что я должна ответить?

Но Костя, по-моему, совершенно уже меня не слышал. Он сел на корточки у чемодана и с тоской посмотрел на меня.

– Светка, ну что, я пошел? – Не получив ответа, он поднялся и надел пальто. – Если что-то забыл... потом заеду. Пока ключи от квартиры не отдаю, пусть будут у меня, чтобы тебя лишней раз звонками не беспокоить. Ты не переживай.

Я вдруг опомнилась и бросилась вслед за мужем.

– Где ты будешь жить?

– У нее.

– А адрес какой?

– Зачем?

– Ну мало ли... Может, с детьми что... Может, ты мне срочно понадобишься, а я даже не знаю, где мне тебя искать.

Константин вышел на лестничную площадку и строго сказал:

– Меня искать не надо, я сам найдусь. Я же сказал, что буду приходить, детей проводить. Денег давать. А прибегать ко мне на новую квартиру и устраивать сцены ни к чему. У моей будущей жены психика слабая. Она просила сделать все интеллигентно и чтобы ее наши разборки никаким боком не коснулись.

– Надо же, как ты ее бережешь. Меня ты так никогда не берег.

– Я же тебе сказал, Светка, что влюбился. По-настоящему, понимаешь. По-настоящему. У меня такое первый раз в жизни.

– А меня, значит, ты по-игрушечному любил? И двоих детей мне тоже понарошку заделал?

– Я уже не помню, Светка, как у нас с тобой было.

– Смотрю, у тебя память от горячей любви отшибло. Смотри, последние мозги не потеряй.

– Так, всё! – Константин начал спускаться по ступенькам.

– Кость, а она красивая? – спросила я ему в спину.

– Кто?

– Ну, твоя эта... самая... будущая супруга.

– Очень. На нее все мужики на улице оглядываются. Фотомодель. Ее даже на обложке журнала напечатали.

– Молодая?

– Двадцать лет, – с дурацкой гордостью произнес муж.

– Но ведь у вас разница в десять лет!

– Самая нормальная разница. Разве этим удивишь? Сейчас и разница в тридцать лет – обычное дело.

– Но ведь она не будет заботиться о твоём гастрите!

– Свет, я что, такой беспомощный, что ли? Могу о нем позаботиться сам.

– Она не будет о тебе заботиться, как я.

– Пусть тебя это не волнует. Я могу идти? Вопросы кончились?

– Только один последний, – произнесла я устало. Ноги меня почти не держали.

– Ну, валяй, – Костик старался казаться равнодушным, но это ему явно давалось с трудом.

– Спасибо. А твоя новая подруга в курсе, что у тебя двое детей?

– Да хоть с десяток. Ей это безразлично...

– Как это, безразлично?

– Она сказала, что ей совершенно безразлично, сколько у меня жен и детей. Ей до этого нет никакого дела.

– Как это так?

– Ну, а ты что хотела? Дети-то здесь при чем? Она их что, растить, что ли, будет? На хрена они ей сдались, если она еще молодая и сама родить может?

– Ну, а на выходные ты их брать будешь?

– Зачем?

– Затем, что порядочные отцы не бросают своих детей вот так за здорово живешь и берут их на праздники или на выходные.

Константин с показной злобой поставил чемодан на ступеньки и процедил сквозь зубы:

– Ну ты, мать, даешь! Ну, ты придумала! Может, ты хочешь меня детьми нагрузить и отрываться на полную катушку?

– Я не понимаю, о чем ты.

– О том, что ты свои материнские обязанности хочешь скинуть на чужие, хрупкие плечи. Сама посуди, кому нужны чужие дети?

– Но ведь тебе-то они не чужие?

– А для моей новой супруги – чужие. Ты давай, дорогуша, детьми сама занимайся и своими проблемами никого не грузи. У меня сейчас у самого проблем выше крыши Мне красавицу-жену обеспечивать нужно, деньги зарабатывать, понятно тебе?

– Убирайся, – процедила я сквозь зубы.

– Что ты сказала?

– Что слышал. Иди ко всем чертям... И чтобы я больше никогда в жизни тебя не видела!

– Ну, ну, Светик, не горячись. Зря ты так со мной. Я же хотел уйти по-хорошему.

– Уйти по-хорошему?! – Я чуть не задохнулась от злости. – Пошел вон, конь педальный!

Чтоб ты сгорел! И твоя профурсетка тебе рога наставила! Козлина!

– Сама такая! – как-то по-детски сказал Константин и поспешил вниз по ступеням.

Глава 2

Стараясь убежать от воспоминаний, я отошла от окна и почувствовала, как меня кинуло в жар. В последнюю ночь я очень долго не спала и постоянно представляла себе, как произойдет наша встреча с Костиком. Он вернется в квартиру, откроет дверь своим ключом и скажет, что забыл что-то из вещей. . . А может, он придет для того, чтобы повидаться с детьми или передать мне какие-нибудь деньги. Молодая жена хороша только на первый взгляд.

Она вряд ли хорошо готовит. Ей хочется погулять, походить по дискотекам, ночным клубам, посидеть в ресторанах. А мой Костик, он такой домашний. . . Он так любит и ценит домашний уют. Да и рожать она ему точно не будет. Зачем ей такая обуза? А мой Костик, наверно, уже очень соскучился по детям. Ему не терпится поиграть с сыном в футбол и почитать дочке сказку. Он соскучился по нашей квартире, по родной постели, по моему борщу и, конечно же, по моим пышным оладьям. Он придет повидать детей и поймет, что больше никогда не сможет уйти. Он поймет, что ему всего этого так не хватало, что все это его родное, им же созданное. Он поймет, что не может без нас жить, что он просто ошибся, а любой человек имеет право на ошибку, и от этого никуда не денешься.

От этих мыслей я почувствовала еще больший, все нарастающий нервный жар, страшную тошноту, дрожь в руках и ногах и острую, пронзительную боль в сердце.

Но шел день за днем, неделя за неделей, а Костика все не было. Он не приезжал, не привозил деньги и даже не проводывал детей. Когда я звонила ему на работу, трубку брала его секретарша и под различными предлогами отказывала мне в разговоре с моим собственным мужем. То он занят, то просил ни с кем не соединять, то уехал в командировку, то у него совещание. . . И так каждый день. Мобильный мужа тоже предательски молчал, а со временем он стал недоступен, и это наталкивало на мысль о том, что Константин просто поменял номер. Я хотела было позвонить свекрови, которая жила в другом городе и часто болела, но побоялась. Возможно, Константин ничего не рассказал матери, и мои слова приведут несчастную женщину в ужас со всеми вытекающими при ее здоровье последствиями.

. . . Я попыталась жить без него, но я не жила. . . Я просто делала вид, что живу. Каждый день я задавала себе одни и те же вопросы: за что мой муж так со мной обошелся? Что именно я сделала не так?.. На каком этапе я потеряла своего мужа и он начал искать себе другую? Что есть в той другой, чего нет во мне? Она искуснее в ласках, в любовных утехах? Или она женственнее и красивее?

А может, все куда проще: она не обременена детьми и у нее вся жизнь впереди? Весь мир лежит у ее ног.

Но зачем ей понадобился именно мой муж? Почему именно он? В двадцать лет можно и холостого найти. Что, «парней так много холостых, а я люблю женатого?» Я изводила себя вопросами и не находила на них ответы.

Я стала искать работу, но в тридцать лет, без мало-мальски приличного образования и с двумя детьми найти ее оказалось весьма проблематично. Зарплаты, которую мне предлагали, нам не хватило бы даже на еду. Тем более Саша учился в частной школе – престижной и весьма дорогой. Костик сам перевел сына в школу для детей новых русских, убеждая меня в том, что это качественно иной уровень по сравнению с нищими государственными школами. Я тогда заколебалась – накладно все-таки, но Костик сказал, что на образовании нельзя экономить.

Я поддалась на его уговоры и только теперь поняла, как я была не права. С уходом мужа мальчику пришлось вернуться в «нищую» государственную школу.

. . . Так прошло ровно три месяца. Я не знаю, как я их прожила, вернее, просуществовала. Я приезжала к Костиком на работу, но меня не пускала охрана.

Я попробовала устроить скандал, но и это не принесло должного результата. Я пыталась его подкараулить после работы, но он словно что-то чувствовал и не появлялся.

Мимо меня проезжали машины с тонированными стеклами, в одной из которых, возможно, сидел он и не желал вступать со мной ни в какие дискуссии. Спустя три месяца я перестала его ждать. Я вдруг подумала о том, что он не вернется за своими вещами. Зачем ему старые вещи, если он может купить себе новые?! То же самое я подумала и о детях. Зачем ему старые дети, если его теперешняя спутница может родить ему новых?! Зачем ему вообще старая жизнь, если теперь у него есть новая?! Видимо, он решил расстаться со всем одним махом и вычеркнуть все, что нас связывало, одной жирной красной чертой.

...Я почти не ела, осунулась, постарела и чувствовала, как мою душу стало наполнять безразличие.

Неожиданно мне стало все не интересно. Стало плевать, вернется Константин домой или нет, как я выгляжу. Плевать, что у меня с катастрофической скоростью заканчиваются деньги и скоро нечего будет есть. Я перестала звонить подругам и изливать душу, потому что почувствовала, как надоела всем со своими проблемами. Когда дети были в школе и детском саду, я лежала на диване с газетой «Работа для вас» и тупо смотрела в потолок. Мне вдруг показалось, что я как-то глупо распорядилась своей судьбой. Глупо, потому что я встретила Костика, а не кого-то другого. Я начинала вспоминать своих многочисленных ухажеров, думать о том, как сложилась их жизнь сейчас, жалеть о собственном глупом, раннем замужестве и ругать подлянку жизнь, которая расставляет подобные сети. Перед глазами Константин, торопливо собирающий свой чемодан...

Все случилось так внезапно. Я смотрела на него и совершенно не понимала, что происходит. Я задавала один и тот же вопрос: «За что ты со мной так поступил? Что именно я сделала не так?»

Моя мама, переживавшая и за меня, и за своих внуков, старалась как можно чаще брать детей к себе, дав мне возможность отойти и хоть немного прийти в себя. Я просто похоронила себя заживо в четырех стенах и начинала представлять себе ту, к которой ушел муж... Мне хотелось увидеть свою соперницу, вцепиться ей в волосы, испортить лицо – пусть знает как воровать чужое. Но... Я понимала, что дело далеко не в сопернице, дело в муже...

В один из таких дней, когда меня особенно одолела депрессия, ко мне приехала моя старая подруга Ленка, с которой мы не виделись целую вечность. Водрузив на стол бутылку мартини и коробку конфет, она окинула меня недоуменным взглядом.

– Свет, что с тобой?

– В смысле? – безразличным тоном спросила я и, бесцеремонно налив себе полный бокал мартини, осушила его до дна.

– Ты вообще на себя в зеркало смотришь?

– Зачем?

– Как это, зачем? Мне кажется, что любая нормальная женщина должна каждый день смотреть на себя в зеркало.

– А я ненормальная. От нормальных мужья не уходят. Тем более, когда в доме двое детей. Значит, я хреновая жена. Хре-но-вая. Иначе чего бы от меня мужик сбежал?! Может, я ему тапочки неделикатно подавала? Или как-то раз суп недосолила? – Я почувствовала, как спиртное ударило в больную голову, и закричала: – Лен, ну скажи, что именно я сделала не так? Что? Чем ему не угодила?

– Успокойся, – сказала Ленка и налила мне второй бокал. – Я у твоей матери была. Она мне все рассказала. Ты все делала правильно, не переживай. А насчет того, что мужики только от хреновых баб бегут, ты не права. Мужики иногда с жиру бесятся. А Костик твой – сволочь редкостная. Такую гадину еще поискать надо. Только знай, с уходом мужика жизнь не заканчивается.

– Ой, только не надо меня жизни учить. Посмотрела бы я, что бы ты делала на моем месте...

– На твоём месте находятся тысячи женщин, и ничего. Никто от этого не умер. Ни один мужик не стоит того, чтобы из-за него жизни лишаться! Мужиков кругом пруд пруди, другого найдешь!

– С двумя детьми?

– Я тебя умоляю! Кому ты понадобишься, тому и детки твои сгодятся. Повторяю для бестолковых, с уходом подлеца жизнь не закончилась. Она только началась, и началась с нового, совершенно чистого листа.

– Ты у меня прямо как философ, – голосом умирающей сказала я.

– Твоя мама говорила, что тебе очень плохо, но я и подумать не могла, что настолько. Я тебе телефон оборвала, а ты трубку не берешь. Матери твоей звонила, так она, конспираторша, объявила, что ты с детьми к родственникам уехала погостить. Интересно, как ты могла уехать посреди учебного года? Наконец мама раскололась – сил нет больше врать. Сама позвонила, плачет, говорит, что ты от всего этого с ума сходишь. Боится за тебя. Я ей говорю, почему вы мне раньше все не рассказали, а она, оказывается, все думала, что Костик вернется. Теперь, видимо, поняла, что не вернется.

– Свет, а кто эта девка?

– В смысле?

– Та, к которой он ушел.

– Дочка важного чиновника. Теперь у твоего Костяна дела попрут в гору. Папочка у нее еще та шишка, рукой не достанешь. А Константин, проныра, достал.

– Так как же эта шишка проморгала, что на его доченьку позарился женатый человек, отец двоих детей? Ей что, холостых не хватало?

– Беременная она. А по показаниям аборт делать нельзя.

– Что?

– Обрюхатил наш догадливый Костик девочку, папаше теперь деваться некуда. Тебе документы о разводе пришли?

– Да, я их получила. И как это меня могли развести без моего присутствия, ведь у нас двое детей?

– За деньги и с тремя разведут. Деньги сейчас решают все.

– Кто бы мог подумать...

– Свадьба скоро у твоего Костика. Настоящая пышная свадьба. А затем медовый месяц на Канарах.

– А как же дети?

– Да кому нужны твои дети кроме тебя?

– Лена, а где он с ней познакомился?

– Вот этого я не знаю. Где наши кобели знакомятся, поди разбери? Может, в библиотеке, а может в ночном клубе.

– Да он отродясь по таким местам не ходил.

– Много ты знаешь, – усмехнулась Ленка.

– А откуда ты в курсе?

– Представляешь, я к нему на фирму приехала. Всякой ерунды охранникам наплела, прошла внутрь. Влетела к нему в кабинет, чтобы волосы ему повыдирать, так он со мной даже разговаривать не стал, вызвал охрану, и меня вышвырнули прочь. Понимаешь, меня, твою лучшую подругу, вышвырнули прочь! Это что такое делается?

– А что тут удивительного, если он меня, собственную жену, к себе не допускает.

– Вот козел! Сказал охранникам, что знать меня не знает и видит первый раз в жизни. Быстро он забыл, как приставал ко мне на праздновании твоего дня рождения. Я ему тогда еще по роже заехала.

– Костик к тебе приставал? – от удивления открыла я рот.

– Еще как. Поддал хорошенько и, пока ты детей спать укладывала, под юбку мне полез.

– Господи, я и подумать никогда не могла... Ничего не знала... Стыд-то какой!

– Жена всегда обо всем узнает последней. Кобель у тебя Костик был тот еще. Неужели ты ничего не видела?

– Нет.

– Потому что была влюблена, как кошка, а когда любишь, то дальше своего носа вообще ни хрена не видишь. У тебя на уме только одно: «Костик, давай я тебе рубашечку поменяю... Носочки уже грязные, наверное...»

– Говорят, мужики все гуляют... Я, конечно, думала, что Костик у меня не такой, но, видимо, ошибалась.

– Умные гуляют по-умному.

– Это как?

– Чтобы жена не догадывалась.

– Так я и так ничего не знала.

– Не знала-то ты не знала, да только под конец он тебе вон какую свинью подложил!

Подлив в свой бокал мартини, я обхватила голову руками.

– Лен, ну скажи, за что он со мной так? За что? Ведь я же знаю, что Костик меня любил... Он всегда меня очень любил... И зачем ему эта дочка большого начальника, если он и так деньги делал?! С трудом, со скрипом, но делал. И все у него получалось. Все. Он не может меня разлюбить. Не может. Он любит меня и сейчас. Я в этом просто уверена. Ну что его может связывать с той, другой? Только деньги и секс. Но даже если он ее и любит, то это не означает, что он разлюбил меня. Мужчина может любить двух женщин одновременно.

– Что-то я не заметила, чтобы Костик тебя очень сильно любил. Если бы он хоть немного за тебя переживал, он бы так с детьми не обошелся. Он хоть бы как-то помогал им материально.

– А может, я возьму детей и приду к нему на свадьбу? Может, он нас увидит – и у него сердце заночует? Ведь мы же не чужие. Мы его семья, – говорила я, глотая слезы.

– Ты что несешь? Ты что надумала? На свадьбу она с детьми придет! Не позорь ни себя, ни детей! У тебя хоть какая-то гордость есть? Мужик ее бросил, а она к нему ковриком стелется. Ты хочешь, чтобы со свадьбы не только тебя выставили, но и детей? Ты хоть их психику побереги!

– Да разве он посмеет?

– Этот все посмеет, уж поверь мне. Света, что-то я тебя не узнаю... Где твоя гордость?

– Да какая, к черту, гордость?

– Обыкновенная. Теперь понятно, почему от тебя мужик ушел. Потому, что он устал об тебя постоянно ноги вытирать. Устал!

Последние слова ранили меня в самое сердце, и я заревела белугой. Ленка дождалась, пока я успокоюсь. Она медленно потягивала свой мартини и о чем-то усиленно думала. Когда я поняла, что у меня больше нет слез, я дрожащей рукой достала сигарету.

– Ты что, курить начала? – с нескрываемым удивлением спросила Лена.

– Можно подумать, ты не куришь...

– Так я десять лет курю, а ты отродясь не баловалась.

– Все мы когда-то что-то начинаем, – глубоко затянулась я и пустила несколько ровных колечек дыма. – Знаешь, я очень много слышала про любовные треугольники, когда никто ни с кем не может расстаться, но при этом не слышала, чтобы мужики из семей уходили. Ведь всем известно то, что мужчины не любят радикальных перемен в жизни. В браке их удерживает

привычка, а она для мужчин значит гораздо больше, чем для женщин. А тут поди разбери, что получилось. – Я немного помолчала, а затем продолжила: – Лен, скажи, а как же мне теперь без денег-то жить? На алименты подать? Но ведь Костик просил этого не делать. Он говорил, что деньги теперь сам завозить будет.

– Ага, много денег он тебе за это время привез?

– Ни копейки.

– То-то. Тебе нужно на работу устроиться. Приведешь себя в порядок. Выйдешь в люди. Начнешь зарабатывать. Мать будет тебе с детьми помогать. Глядишь, жизнь наладится, и все пойдет своим чередом. Было бы вообще отлично, если бы ты хорошо зарабатывать начала. Ты бы тогда от Костики никаких подачек не брала.

– Да куда я только не звонила! Где я смогу заработать, если у меня двое детей, мне не двадцать и я ничего не заканчивала?! Где?

– Придумаем что-нибудь. Не переживай. А для начала приведи себя в порядок. А то с таким зареванным лицом тебя на работу точно никто не возьмет.

Как только за Ленкой закрылась дверь, я доплелась до кровати, легла, положила на голову подушку и заплакала. Я пыталась разложить по полочкам ту ситуацию, в которую я попала, но мне никак это не удавалось. Костик женится ради карьеры? Но карьера у него и так движется неплохо. Он никогда не был альфонсом и всего в жизни добивался сам. Жениться из-за того, что девушка забеременела, он тоже не мог, потому что у него есть свои двое детей. Сумасшедшая любовь?! И это исключено. Костик потерял голову раз в жизни, и потерял ее из-за меня. Секс?! Ерунда, на голом сексе далеко не уедешь. Ведь мужиков, которые бросают жену ради любовницы, раз-два и обчелся. Да, многие женатые мужчины имеют связь на стороне. Это наполняет их гордостью, они хвастаются перед приятелями, но при всем при том они почти никогда не уходят из своих семей. С женами их связывают налаженный быт, дети, привычка. Господи, почему же так получилось с Костиком?! Почему?!

Глава 3

– Мама, учительница спрашивает, когда мы наконец заплатим за кружок. У нас в классе уже все давно заплатили, – сказал мне сын, когда я его утром отводила в школу.

– Скоро, сынок... Скоро.

– Мам, ну когда? Мы ушли из той школы потому, что не могли за нее заплатить, а в этой школе мы не можем заплатить за кружки. Учительница начинает ругаться, – капризно настаивал сын.

– Я же тебе говорю, что скоро.

Я тупо смотрела перед собой, но ничего не видела, всё было словно в тумане. Как только мы подошли к школе, сын взял меня за руку и попытался завести меня внутрь. Но я резко остановилась и отрицательно замотала головой.

– Мам, ну почему ты не хочешь зайти в школу? Посмотри, все родители заходят.

– Не хочу.

– Но почему?

– Потому что не хочу видеть твою учительницу. Она опять начнет говорить про деньги...

– Она мне о них постоянно напоминает.

– Ну потерпи, сынок. Я сегодня же пойду в скупку и продам свои драгоценности. У нас будут деньги и на еду, и на кружок, и даже на аттракционы в парке.

– Правда?

– Честное слово.

Я улыбнулась сквозь слезы и крепко сжала руку сына. Мне было очень плохо, и я едва держалась на ногах, но я старалась бодриться, чтобы сын ничего не заметил.

– Мам, а я папу больше никогда не увижу? – грустно спросил сын и пристально посмотрел мне в глаза.

– Не знаю, сынок. Ей-богу, не знаю.

– Он скоро женится?

– С чего ты взял?

– Бабушка сказала. Мам, а он пригласит нас на свадьбу?

– Нас? Думаю, что нет.

– Почему?

– Потому что там будут только близкие и друзья.

– А мы? Разве мы для папы не близкие?! Мы же его семья...

У меня задергалась нижняя губа, я строго посмотрела на сына:

– Саша, я не хочу больше разговаривать о папе! Слышишь, не хочу! Твой папочка – гад конченный! Учительнице скажи, пусть она остынет. Завтра ты сдашь деньги на кружки!

– Почему ты кричишь? – обиделся сын.

– Прости. – Я ласково потрепала его по волосам и пошла прочь.

Я чувствовала, что сын смотрит мне в спину, но я не оглядывалась... Я больше не хотела оглядываться назад, потому что я хотела смотреть только вперед... И никогда, никогда в жизни не оглядываться назад...

Как только я вернулась домой, ко мне заявила Ленка. От моих глаз не скрылось то, что она была возбуждена и, по всей вероятности, очень хотела что-то рассказать. Бросив на Ленку усталый взгляд, я налила себе чашку кофе и безразлично произнесла:

– Если ты хочешь мне что-то про Костика рассказать, то можешь не стараться. Эта тема для меня давно закрыта. С некоторых пор мне это неинтересно. Костик для меня умер. – Я сказала это ледяным тоном, но тут же у меня вырвался вопрос: – У него что, сегодня свадьба?

– Ты ж сказала, что тебе это неинтересно.

- Я просто так спросила.
- Я ничего не знаю про Костика. Было бы и в самом деле хорошо, если бы ты про него забыла. Я пришла совсем по другому поводу.
- Я посмотрела на часы и перевела взгляд на Ленку.
- Я через час уйду из дому. Иду в скупку сдавать драгоценности. У нас нет ни копейки.
- Мне часа вполне хватит. Я хотела спросить: как у тебя с работой?
- У меня? С завтрашнего дня буду проходить медицинскую комиссию. Медкнижка нужна.
- Зачем?
- На рынок иду торговать.
- Чем?
- Чем бог пошлет, – безразлично ответила я. – Масло, сыр, молоко, рыба – в общем, развесные продукты. Глядишь, обвешивать научусь. На рынке меня берут. Там наплевать, сколько мне лет и сколько у меня детей. До моего образования тоже никому дела никакого нет. Правда, и платят там немного, на поддержание штанов так сказать. Но у меня сейчас выбора нет. Мои деньги плюс пенсия мамы – проживем как-нибудь.
- На рынок пойти ты всегда успеешь. – Ленка хитро посмотрела на меня.
- А у тебя что, есть деловое предложение?
- Есть. Я тебе предлагаю нормальные деньги. Полторы тысячи долларов в месяц, не напрягаясь.
- Сколько?
- Полторы штуки в месяц.
- И кто же мне будет платить такие деньги?
- Фирма.
- А за что она мне будет их платить, если я делать ничего не умею?
- А там не нужно ничего уметь, там нужно просто хорошо выглядеть. Так что первым делом ты должна собой заняться. Нужно, чтобы эта бледность прошла, синяки под глазами, отечность... Ты же умеешь хорошо выглядеть. Вспомни, как в школе на тебя все пацаны оглядывались! Да и при Костике ты всегда держала форс. Ты же красивая баба, что ты себя так запустила?! Смотреть тошно! Если мужик ушел, то это еще не конец света! Ладно, сама дура, но дети-то за что страдают?! Ты вот ребенка в школу ведешь, а у тебя юбка не глажена.
- Я посмотрела на свою мятую юбку и опустила глаза.
- А ведь я и вправду юбку забыла погладить.
- А волосы ты когда в последний раз красила?
- Не помню. А я что, поседела?
- Нет, дорогуша, до седины тебе еще далеко. Просто у тебя уже корни волос отросли, и ты выглядишь чумичка чумичкой. Но а про косметику я вообще молчу. Ты, наверное, уже сама не помнишь, когда в последний раз косметикой пользовалась. Скажи, ты сможешь привести себя в порядок за короткий срок или нет?
- Конечно.
- А то до полной разрухи рукой подать.
- Я отодвинула чашку с кофе.
- Лена, я клянусь тебе, что сегодня же приведу себя в порядок. Что за работа-то?
- В Турцию полетим.
- Куда?
- Не удивляйся. Там сейчас можно нормально подзаработать. Нормально, понимаешь?
- Каким образом?

– Я одну фирму нашла. Требуются высокие красивые девушки, прямо как мы с тобой. Будем встречать гостей, сопровождать на экскурсиях, расселять по гостиницам. Будем работать гидами, одним словом.

– Кем?

– Экскурсоводами.

– А как же знание языка?

– Ты немного английский знаешь, да и я тоже. В процессе работы всему научимся.

– Но ведь надо знать турецкий?

– Турецкий на месте выучишь. Мы же будем встречать русских туристов, зачем нам турецкий? Ты что, собралась с русскими по-турецки разговаривать?

– Лен, бред какой-то... Ты, наверное, на какую-то липовую фирму нарвалась. Гидом устроиться довольно сложно. Для этого надо как минимум два языка знать. Русский и турецкий.

– Да кто тебе такое сказал? Это для тех, у кого связей никаких нет.

– А у тебя что, связи есть?

– Ну да.

– И откуда они у тебя появились?

– У меня много что появилось, пока ты наслаждалась супружеским счастьем. У меня такого Костика не было. Приходилось на жизнь самой зарабатывать. У меня любовник влиятельный из криминальных кругов. Он и порекомендовал эту фирму.

– Может, он тебя просто подставить хочет и именно таким образом предлагает тебе заняться проституцией?

Ленка запыхтела, как паровоз:

– Не надо судить по Костику обо всех мужчинах! Не все такие козлы, как твой Костян. Мой меня любит!

При слове «любит» я усмехнулась и опустила глаза.

– Я думала, что меня любили, прожив десять лет с мужчиной и родив от него двоих детей. Я ошиблась... Как можешь не ошибиться ты, если тебя ничего совместного не связывает и у тебя нет детей?

– И тем не менее я утверждаю. Заключаем контракт на три месяца. Зарабатываем свои положенные деньги и возвращаемся на родину. Затем контракт можно возобновить. У тебя дети скоро начнут голодать. По-моему, и раздумывать нечего. Заложить свои драгоценности, вырученные деньги отдашь матери, чтобы у нее хоть на первое время было на что детей кормить, а сама поедешь на заработки. Полторы тысячи долларов в месяц – это минимальная сумма, а про максималку я даже говорить боюсь. Если работа пойдет нормально, то и заживем нормально. Никакой проституцией тут и не пахнет, это однозначно. Я тебе предлагаю реальную работу и реальные деньги...

На следующий день мы уже сидели в небольшом ресторанчике вместе с Владимиром – Ленкиным любовником и обсуждали детали предстоящей поездки. Ленкин обожатель показался мне вполне приличным человеком, вел он себя очень даже галантно и обходительно. Он заверил нас, что те два места, которые он нам предлагает, на дороге не валяются, что на них есть тысячи претенденток, а из этой тысячи он готов их уступить именно нам, из теплого отношения к Ленке, естественно. Когда ее любовник взял в руки мобильный и принялся решать какой-то вопрос, встав при этом из-за стола и отойдя в другую сторону зала, я посмотрела на Ленку задумчиво и еле слышно спросила:

– Лена, а ты уверена, что ему можно доверять?

– На все сто. Ты же видишь, что мужик не промах. Серьезный, рассудительный, слов на ветер не бросает. У него вообще одна вакансия была, но я встала перед ним на колени и стала

вымаливать вторую. Он прекрасно понимает, что ты мать-одиночка с двумя детьми, которых надо кормить.

При словах «мать-одиночка» я слегка дернулась – меня еще никто так не называл.

– Так что давай бери себя в руки и начинай новую жизнь, – настраивала меня на истинный путь Ленка. – У тебя теперь нет другого выхода. Теперь ты добытчица. Ты и лошадь, ты и бык, ты и баба и мужик. Тебе пахать надо и ни о чем не думать. И запомни, что не родился еще тот мужчина, из-за которого бы стоило горевать или приобрести хотя бы одну морщинку. А у тебя морщины начали появляться, как грибы после дождя.

– У меня морщины?

– У тебя. Скоро как старуха будешь, ей-богу.

– Да ладно тебе на меня наговаривать, – разозлилась я.

– Я тебе правду говорю. Но кто тебе еще правду скажет, если не я?

В тот момент за столик вернулся Ленкин милый друг, мы прекратили спор и принялись за кофе.

– Вовка, так когда нам вылетать? – вежливо поинтересовалась Ленка и затянулась сигаретой.

– Ровно через неделю.

Я решила толкнуть речь:

– Владимир, не знаю, как и благодарить за ваше содействие. Сейчас так трудно найти работу с достойной оплатой, а у меня двое маленьких детей и мама-пенсионерка. Для меня ваше предложение что спасательный круг для утопающего...

– Не стоит благодарностей, – перебил Владимир. – Благодарите вашу подругу. Все, что я для вас сделал, я сделал исключительно ради нее. Лена всегда мечтала стать самостоятельной и независимой женщиной. Именно такую возможность я ей и даю. Я всегда уважал ее независимость и уважаю ее и на этот раз. А насчет вас... Лена сказала мне, что вы собираетесь идти торговать на рынок. Это несправедливо. Такую красоту, как у вас, надо беречь. Гидом вы будете смотреться намного лучше, чем продавцом. Если у вас двое маленьких детей, значит, вы порядочная женщина. А мне и нужны две порядочные женщины. В порядочности Елены я уверен. Понимаете, начался сезон. Пока есть два свободных места. Сами знаете, что такие места долго свободными не бывают. Заработаете хорошие деньги, поможете своим детям. Понравится, поедете еще. Тем более климат, море, солнце, фрукты... Что и говорить, предложение царское.

– Все это понятно, но я не о том... Я о том, чтобы в вашем предложении не было никакого подвоха. Понимаете, я оставляю на родине двоих детей, у которых с некоторых пор нет отца. Если со мной что-то случится...

Услышав мои последние слова, Владимир изменился в лице, побагровел от злости и отодвинул свою чашку.

– Ну, это совсем несерьезно. Если вы так ставите вопрос, тогда вообще ничего не надо. Я никого не принуждаю и силой ничего делать не заставляю. Я вас уговаривать не собираюсь. Все, до свидания. – Владимир перевел взгляд на Ленку. – Лена, я что-то не понял... Ты меня умоляла взять на работу свою подругу. Я же не хотел – сама знаешь, с местами напряженка. Я не бюро по трудоустройству, чтобы твоих подруг трудоустраивать, а тут такие разговоры... Полетишь одна.

Я вытащила из сумочки свой загранпаспорт и протянула моему благодетелю.

– Простите. Я не отказываюсь. Я доверяю своей подруге, а если она доверяет вам, значит, все в порядке. Скажите, а куда именно мы летим?

– В Анталию, – нехотя взял мужчина мой паспорт. – Работать будете на курорте в Кемере. Все подробности я уже доложил Елене.

Попрощавшись, он помахал нам рукой, садясь в спортивную машину.

- Прогуляемся, – предложила мне Ленка и взяла меня под руку.
- С удовольствием.

Мы шли молча. У меня кружилась голова. Тошнило от всего: московского дыма, шумной улицы, одиночества, безденежья и даже от перспективы поработать за рубежом. Вдруг подумала, что, наверное, я лгу сама себе, сейчас бы отдала все на свете и даже позволила бы укоротить себе жизнь только за то, чтобы она стала такой, как раньше – тихой, размеренной, стабильной. Чтобы были домашний очаг, дети, муж, читающий газету, и я, хлопочущая на кухне... Где так тепло и не чувствуется непогоды, не надо думать о деньгах, потому что о них думает муж. А каждый день такие однообразные, но такие родные семейные будни...

Я поморщилась – ничего этого больше не будет. В мою жизнь прошлое не вернется. Ни слово «семья», ни «семейный очаг», ни «домашний уют», потому что все разрушено до основания и уже ничего невозможно собрать. Я всегда ощущала исключительность своей судьбы и была благодарна ей за то, что она относилась ко мне чересчур благосклонно. Слишком раннее, удачное замужество с хорошим человеком... Слишком ранние дети... Слишком счастливая семейная жизнь... А теперь судьба вышвырнула меня из этих счастливых рядов, оставив один на один с собственной бедой и навалившимся горем.

- Свет, ты чего? – донесся до меня Ленкин голос.
- Ничего.
- Качаешься, как пьяная. Тебе плохо?
- Так, средней паршивости.

– Слушай, но ведь ты женщина разумная. Понимаю, ты пережила тяжелый удар, – жестко заговорила подруга, – но на этом существование не заканчивается. У тебя впереди новая жизнь и новая работа. За неделю тебе нужно привести себя в порядок. Ты же должна хорошо выглядеть.

– Зачем?

– Затем, чтобы с людьми общаться. На тебя же туристы смотреть будут. Может, какой-нибудь турист в тебя влюбится!

Я недовольно поморщилась.

– Лен, хватит ерунду городить. Я мужской любовью уже по горло сыта. Объелась. Мне кажется, что за свою любовь я уже поплатилась в полном объеме. Послушай, а чего твой любовник тебя на заработки отправляет? Почему он не хочет взять все твои расходы на себя? Вы же собираетесь пожениться?

– Что?

– Если вы любите друг друга, значит, в недалеком будущем собираетесь пожениться. Зачем же нужно трехмесячное расставание?

– Кто собирается жениться? – захлопала ресницами Лена.

– Ну, ты и твой друг.

– А с чего ты это взяла?

– А что, разве не так?

– Нет. У нас совершенно свободные отношения. Света, ты, пока была замужем, отстала от жизни. Пойми, если люди встречаются, это не значит, что обязательно поженятся. Конечно, я бы была не прочь выйти замуж за какого-нибудь порядочного человека, но я его пока не встретила. А с Владимиром меня связывают дружеские отношения и секс. Мужики сейчас, сама знаешь, какие, не спешат сами помогать материально. Вот он и нашел мне хорошую работу. Конечно, если бы он сгорал от любви ко мне, он бы куда меня не пустил, но он не сгорает.

Ближе к вечеру я заехала к матери, завезла ей деньги, вырученные за свои драгоценности, рассказала о предстоящей работе и, уложив детей спать, тихонько прижала мать к себе.

– Мам, ну не плачь. Сейчас все наладится. Я приеду с деньгами, с голоду не умрем. А затем что-нибудь придумаем.

Мама всхлипнула, глаза у нее были заплаканы.

– Только будь осторожна, доченька. Будь осторожна.

Вернувшись домой, я подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение. Нет, пора становиться решительной! Пора! Теперь у меня новая жизнь. Я обязана быть сильной и прогнать от себя отрицательные эмоции, привет из моего прошлого. Я устала тушить боль и отчаяние и наконец поняла, что смысл жизни заключается не только в совместном существовании с моим мужем. Я решила с этой минуты не позволять себе распускаться, больше никому не демонстрировать свою безысходность и не рыдать.

А затем я встала под душ и смыла с себя горечь, боль, страх и отчаяние. Я наложила на лицо душистый крем, наполнила душу светлыми и добрыми чувствами, надела новый халат и пригладила мокрые волосы. Я сама удивилась своему преображению. Даже показалось, что я стала совсем юной и, как раньше, красивой. Я не одна. Я нужна своим детям и своей маме... Я словно попала в самую настоящую сказку, где рассеялись злые чары, а добрые чары делают героя совершенно новым человеком.

Я смотрела на себя в зеркало и улыбалась сама себе. Пусть где-то там живет мой бывший муж и пусть он будет счастлив, пусть он получит то, что ему не смогла дать я. А я... Я смогу переломить себя и его простить, потому что те десять лет, которые мы прожили вместе, были счастливыми и по-своему незабываемыми... Я смогу, и у меня все получится, потому что я сильная... Господи, я раньше и подумать не могла, какая же я сильная...

Глава 4

В аэропорт нас отвез Ленкин любовник. Вручив нам авиабилеты, документы и экскурсионные путевки, он затянулся сигаретой и деловито объяснил:

– Вот вам билеты, а вот вам ваши контракты. Все сделано в лучшем виде. Так как вы едете от солидной фирмы, думаю, таможня вам даст добро без всяких. Желаю вам удачной, плодотворной работы и хорошего отдыха. Если возникнут какие-то вопросы, звоните. Ленка знает мой мобильный. Он у меня включен двадцать четыре часа в сутки. Слушайте, а чего вы бледные такие? Но ничего, загорите. Турецкий загар очень красивый. Через неделю станете как шоколадки. Как только самолет приземлится в Анталье, вы увидите множество представителей различных фирм с табличками. Они встречают туристов. Вы должны встретиться с Экрамом, турком, который в совершенстве владеет русским языком. Он будет держать табличку с надписью «Эскорт». Смело подходите к нему, не ошибетесь. А дальше дело техники. Он отвезет вас в офис фирмы, а после поселит в гостинице, выдаст форму, в которой вы будете встречать туристов, и расскажет о ваших обязанностях. Вы хоть путеводитель по Турции читали?

– Нет, – в один голос ответили мы.

– Ладно, скажите об этом Экраму. Он выдаст вам по книжке, и вы прочитаете про Кемер, чтобы вам было что рассказывать, когда вы будете встречать туристов и развозить их по гостиницам. А еще старайтесь прислушиваться к местному сленгу и учить слова. Это вам очень пригодится в будущем, если захотите продлить контракт. Места у вас козырные, так что не переживайте. Сейчас самый сезон, а в сезон даже горничной при гостинице не устроишься, не то что гидом. А все фирмы, набирающие танцовщиц, в основном вербуют проституток, а вы уже не в том возрасте, чтобы заниматься и тем и тем. Я же говорил, что на эти места требуются порядочные женщины. Вообще, чтобы на такую работу попасть, надо кому следует заплатить, так что считайте, вам крупно повезло. – Владимир дотронулся до Ленкиной щеки и сказал уже более ласково: – Малыш, я буду по тебе скучать. Мне будет тебя не хватать.

– Правда? – не на шутку раскраснелась Ленка.

– Правда, маленькая, правда. Позвонишь?

– Конечно, позвоню.

– А вдруг ты себе здесь какого-нибудь турка найдешь и про меня забудешь?

– Не забуду. Меня турки не интересуют.

Я посмотрела на столь трогательную картину, слегка улыбнулась, но все же не смогла удержаться от мучившего меня вопроса.

– Владимир, вы извините, пожалуйста. Я хотела бы вас кое о чем спросить.

– Светлана, зачем эти формальности? Давай перейдем на «ты».

– Хорошо. Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос.

– Я весь внимание.

– Понимаешь, у меня дома все не очень складно. Как говорится, финансы поют романсы.

– Понимаю, иначе ты бы не помчалась на заработки от двоих детей.

– Так вот, я, конечно, оставила маме кое-какие деньги. Когда я получу первую зарплату?

– Наверное, через месяц. Это вы выясните у Экрама.

– Я бы хотела переправить деньги маме, только не знаю, как это сделать. Через международный почтамт, наверное, будет очень дорого. Там берут большие проценты.

– Я тебя понял. Свет, ты не мудри. Ты когда деньги получишь, то передай их с кем-нибудь из отдыхающих. Только выбери семью поприличнее, чтобы муж, жена и ребенок. Затем позвони мне, продиктуй номер рейса. Я людей встречу, не переживай, а затем отвезу деньги твоей матери. Только напиши адрес.

– Правда? – обрадовалась я. – Ты даже не представляешь, как я тебе благодарна.

Достав листок, я быстро написала адрес матери и протянула бумажку своему благодетелю.

– Ты меня не благодари. Я еще ничего для тебя не сделал. – Владимир положил листок в борсетку. – И слезы понапрасну не лей. Я же тебе сказал, что все будет нормально. Все будет хорошо. Знаешь, ты очень изменилась за эту неделю. На глазах преобразилась. Прямо красавица. Все мужчины на тебя оглядываются. Я когда тебя в первый раз увидел, то сначала хотел Ленке сказать, что тебе с такой сомнительной внешностью никуда ехать не стоит. Оказывается, женщина может стать красивой, если захочет. И зачем ты, такая красивая баба, за такого козла замуж вышла и от него двух детей нарожала?

– А откуда мне было знать, козел он или не козел? Сначала они все нормальные.

– Ничего, ты еще свою судьбу устроишь.

– Да черт с ней, с судьбой, мне главное детей прокормить...

– Прокормишь. Это я тебе обещаю.

Мы сели в самолет, я облегченно вздохнула и быстро глотнула предложенный подругой коньяк.

– Ленка, ты что-нибудь про Костика слышала? – спросила я.

– Ты же сказала, что он для тебя умер!

– Да это я так, просто спросила.

– Просто ничего не бывает. Если ты всем направо и налево будешь ныть про своего Костика, то от тебя скоро все люди шарахаться будут. Скажи спасибо, что я у тебя такая терпеливая, но только и моему терпению приходит конец.

– И все же ты не ответила на мой вопрос.

– Что тут отвечать. Сегодня пятница, завтра суббота. Значит, завтра у твоего Костяна свадьба.

– Все-таки он женится.

– Женится, кобелина проклятый. Не переживай, придет время, и бог его обязательно накажет.

– Ни хрена бог его не накажет. Таким, как он, никогда ничего не бывает. Бог почему-то наказывает таких, как я.

Поняв, что мне хочется побыть наедине с собой, я отвернулась к окну. Я вспомнила тот тихий вечер полгода назад, когда мы уложили детей спать, взяли бутылочку красного вина, зажгли свечи и сели на кухне ужинать. Я стала расспрашивать мужа о том, как идут у него дела на работе, и упрекать его в том, что у него на фирме слишком много соблазнов и слишком много красивых женщин. Муж улыбнулся и поведал мне о том, что он целиком и полностью согласен с мнением Эрнеста Хемингуэя: «На свете так много женщин, с которыми можно спать, и так мало тех, с кем можно разговаривать». Этот ответ меня вполне удовлетворил, но, чувствуя какое-то внутреннее беспокойство, я ни с того ни с сего принялась обсуждать его секретаршу. Тут муж улыбнулся и сказал, что юные красотки его давно уже не привлекают. В тот вечер показалось, что все мои опасения напрасны и не имеют никакой реальной почвы. Муж меня по-прежнему любит и ценит. Он говорил, что ему нравятся моя покорность и покладистость, что он никогда мне не позволит работать, потому что моя работа – воспитывать детей и создавать домашний уют. «Светка, живи для меня и живи мной», – сказал мне в тот вечер Костик. Я умиротворенно кивнула и ответила, что по-другому я свою жизнь просто не представляю. Я тогда гордилась своим мужем. Он был очень целеустремленный, трудолюбивый и очень ответственный. Я никогда не терзалась ревностью и считала, что у меня нет для этого никаких оснований, считала долгие годы счастливой семейной жизни гарантией того, что муж будет верен мне всегда.

Не знаю зачем, но я даже вспомнила нашу интимную близость. Конечно, с годами она стала слишком привычной и обыденной. Все шло по четко накатанному сценарию. Никаких

отступлений, никаких новшеств, никаких вольностей. Даже поцелуев и тех становилось все меньше и меньше. Исполнив свой супружеский долг, мы располагались по разным сторонам кровати. Я пыталась придвинуться к Костику, но тот отворачивался, говорил, что любит простор. Я безгранично ему доверяла и не нарушала сон своего супруга. Почувствовав злость, я вдруг подумала, что если бы у меня были лишние деньги, я бы обязательно наняла киллера, который бы раз и навсегда покончил с Костиком. Заказные убийства в нашей стране раскрываются редко, не раскрылось бы и это.

Мне было бы намного легче жить и знать, что Костика больше нет, чем жить и знать, что Костик живет с другой. Я бы разыгрывала из себя скорбящую вдову и получала сочувствие окружающих. Даже по социальному статусу лучше быть вдовой, чем брошенной женщиной, от которой самым наглым образом сбежал муж. Мне показалось, что для осуществления этой цели нужно не так и много. Нужны деньги.

От этих мыслей я раскраснелась.

– Лена, а если все будет нормально, контракт можно продлить?

– Конечно, можно. Владимир же сказал.

– А твой Владимир чем занимается?

– В смысле? – не поняла Ленка.

– Ну, ты сказала, что он состоит в криминальной группировке.

– Сказала.

– А что он там делает?

– Откуда я знаю. Что-то делает. Каждый вечер на стрелки ездит, какие-то вопросы решает...

– А может, он людей убивает? Может, он киллер?

Ленка изменилась в лице и покрутила пальцем у виска.

– Свет, я смотрю, замужество тебе явно на пользу не пошло. Ты от жизни совсем отстала. По-твоему, если человек состоит в криминальной группировке, то он обязательно убийца? Бред какой-то. Получается, что криминальная группировка только тем и занимается, что мочит всех направо и налево. Чушь! Сейчас все криминальные группировки занимаются бизнесом. Они уже от бизнесменов ничем не отличаются. На бандитизме уже мало кто деньги делает, все в коммерцию ударились. Там и спокойнее, и денег больше. Сейчас самая главная криминальная группировка – это милиция. Все коммерсанты так и бегут к ней под крышу. Они не хотят работать под криминальными структурами, поэтому работают под ментами.

– Значит, твой Владимир бизнесмен?

– Что-то вроде того. Он пока это дело только осваивает. Криминальным структурам нынче бизнес тяжело дается. Они же привыкли все отнимать, а не торговать и не производить. Да только отнимать нынче тяжело. Народ делиться особо не хочет. Потому-то криминалитет и локти кусает. Они же ведь не бизнесмены, а только учатся, поэтому и денег у настоящих бизнесменов намного больше, а криминалитет нынче перебивается с хлеба на квас. Время криминального беспредела прошло, наступило время беспредела милицейского. Это раньше быть бандитом было престижно, а теперь престижно быть бизнесменом, потому что у бизнесмена и стабильность есть, и деньги. Он лучше бандита знает, где дешевле купить и где выгоднее продать. Так что сейчас своего рода перестройка произошла. Переоценка ценностей, так сказать... Сейчас все девушки мечтают бизнесмена себе отхватить, а не бандита. Поэтому я здорово на Владимира и не рассчитывала.

– По-твоему получается, сейчас криминала вообще никакого нет. Все бандиты такие бедные и несчастные, их притесняют, а бизнесмены такие богатые и порядочные. А кто тогда людей мочит? Сейчас убийства сплошь и рядом...

– Да мало ли кто. Убивают за деньги, за обман, за то, что люди получают определенную должность и начинают работать по своим правилам, совершенно не считаясь с интересами тех,

кто их туда поставил. Конечно, в каждой группировке есть те, кто выполняет черную работу, не без этого.

– А ты таких знаешь?

– А зачем мне? – прищурилась Лена.

– Тебе незачем. А Владимир твой таких знает?

– Он знает. А что? Что-то я не пойму, к чему ты клонишь?

– К тому, что я хочу в Турции подольше поработать. Хочу заработать деньги и на жизнь, и на то, чтобы Костика замочить.

– Что?

– Что слышала. Ты потом можешь на эту тему с Владимиром поговорить? Поинтересуйся, пожалуйста, сколько это стоит. Только пусть он тебе по знакомству скидку сделает. По отпускной цене, как для своей.

Ленка захлопала ресницами. А я продолжала:

– Только не надо меня отговаривать, – я не дала ей слова сказать. – И ни говори, что я просто сошла с ума. Я в здравом уме и твердой памяти. Я хочу замочить этого гада – и дело с концом. Пусть знает, что за все в жизни надо платить. Особенно за предательство. А то как-то несправедливо получается: у него все – любимая молодая жена, маленький ребенок будет, а у меня ничего. Ни мужа, ни отца у детей, ни семьи, ни любви...

– Светка, ты завязывай с этой ерундой. Даже не думай! Тысячи мужиков уходят из семей, и никто их не убивает.

– А зря. Значит, я буду первой. Мужики из семей уходят, но детей они при этом не забывают. А этот... Ты мне лучше скажи, твой Владимир сможет помочь?

– Сможет, только это денег стоит.

– Я заработаю эти деньги. Ты, когда будешь ему звонить, как бы между делом спроси, чтобы я знала, на какую сумму мне надо рассчитывать.

– Ты что, совсем сдурела! Разве о таких вещах по телефону говорят? Да мне Владимир за такие фокусы голову оторвет. О подобных вещах говорят один на один, чтобы никто не слышал и свидетелей никаких не было. Телефон прослушать можно, тем более международный разговор.

– Хорошо, тогда ты по прилете с ним поговори. Обещаешь?

– Обещаю, только ты что, в тюрьму захотела?

– За то, чтобы никто не оказался в тюрьме, я плачу деньги. Даже если это будет мне не по карману, я разменяю свою квартиру на меньшую площадь, возьму разницу деньгами и все равно грохну этого гада.

Поняв, что спорить со мной бесполезно, Ленка огляделась по сторонам.

– Хорошо, Светочка, хорошо. Ты только на весь самолет не кричи, а то уже люди оглядываются. Я с Владимиром обязательно поговорю. Ты не переживай.

– Надо мне было сначала квартиру разменять, затем его грохнуть, а потом уже в Турцию лететь, – вступила я в диалог сама с собой.

– Не торопись. Квартира – это самое ценное, что у тебя осталось. Не забывай, что у тебя двое детей, которым будет совсем неуютно в маленькой комнатухе. Квартиру ты всегда успеешь продать, а может, ты сама сумеешь эти деньги заработать и не надо будет ничего разменивать.

– Тоже верно, – буркнула я и отвернулась к окну.

Мне представился Костик с дыркой в башке, лежащий у подъезда дома своей молодой жены... И облегчение... Не вина, а облегчение от содеянного...

Как только самолет приземлился в турецком аэропорту, пассажиры громко захлопали ладоши и дружно закричали: «Браво!» Мы с Ленкой переглянулись и начали пробираться к выходу. На улице уже было темно. Турция встретила нас ночной жарой и морской свежестью.

Получив свой багаж, мы принялись искать турка с нужной табличкой.

– Ну вот, дорогая, мы и на отдыхе... Господи, как долго мы об этом мечтали. Сейчас уложим детей спать и обязательно искупнемся в ночном море...

Я обернулась и увидела счастливую семью. Муж нежно обнимал жену за плечи, а рядом шагали две маленькие девочки-близняшки... От этой идиллии у меня защемило сердце и запылало в груди. Проводив счастливую пару грустным взглядом, я почувствовала, как подруга ткнула меня в бок, и от неожиданности вздрогнула.

– Свет, ты о чем думаешь? Вон наш турок! Ты давай сейчас не грузись. До этого еще далеко. Я же тебе пообещала, что как только мы прилетим, я обязательно поговорю с Владимиром, и он найдет того, кто хладнокровно расправится с твоим Константином. Вернее, уже не с твоим, а с чужим. Мужики они все такие. Сегодня он твой, а завтра чужой. Поди разбери, куда он смотрит.

Симпатичный турецкий мужчина, к которому мы подошли, широко улыбнулся и спросил с сильным акцентом:

– Вы и есть Светлана и Елена?

– Они самые, – подтвердила Ленка и поставила свою тяжелую дорожную сумку на пол.

Сумка была такая огромная, что мне показалось, будто Ленка собралась сюда на несколько лет и прихватила при этом весь свой немалый гардероб.

– Добро пожаловать на турецкую землю. Меня зовут Экрам. Владимир говорил мне, что вы очень красивы, но я и не думал, что до такой степени.

Не выдержав его пристального взгляда, я опустила глаза и произнесла тоненьким голоском:

– Мы стараемся хорошо выглядеть.

– Как долетели?

– Очень хорошо.

– А в Москве жарко?

– В Турции жарче, – в один голос ответили мы.

– Ничего, вы быстро привыкните к нашей жаре. Тем более в последнее время погода нас не очень-то и балует. По вечерам ни с того ни с сего стали идти дожди. Особенно в горах. Ну что, пройдем к машине?

– Да.

Мы загрузились в машину, водитель тут же объяснил нам, что по-русски знает только несколько фраз: «Здравствуй, Наташа», «Как ты красива», «Как дела?».

– А где мы будем жить? – поинтересовалась я, вглядываясь в огни ночной Анталы, пронесившиеся мимо.

– Мы едем в Кемер. Вы когда-нибудь там были?

– Была года два назад.

– Ну и как, понравилось?

– Да.

– Вы здесь работали или отдыхали?

– Я отдыхала вместе с мужем и детьми.

– У вас есть муж?

– Был.

– Был? – Видимо, турок не понял моего ответа и пожал плечами. – А сейчас он где? Он что, умер?

– Нет. Он просто ушел к другой.

– А разве так бывает? – искренне удивился турок.

– Наверное, у вас в Турции не бывает, а у нас в России это сплошь и рядом. Мужчины уходят, бросают семьи и детей.

– Но ведь мужчина может жить сразу с двумя женщинами.

– Может. Некоторые так и делают. Имеют жену и любовницу. Все счастливы и все довольны, а некоторые вроде меня устают вести двойную жизнь и выбирают кого-нибудь одного.

– У нас мужчина может иметь гарем.

– Наш мужчина гарем не потянет. Наш мужчина и одну-то женщину с трудом может прокормить. Тем более у ваших женщин запросы совсем маленькие, а у наших они растут с каждым днем.

Мы въехали в длинный тоннель, я слегка ткнула Ленку в бок:

– В туннеле можно загадать желание. Только надо на минуту задержать дыхание.

– Я что, дура – минуту не дышать. Так и задохнуться можно.

– Еще никто не задохнулся. Это поверье такое.

– Вот пусть турки и верят в свои поверья.

И все же я выдержала минуту и загадала желание.

– Мы так с Костиком в прошлый раз сделали. Нас гид научила. Я тогда еще загадала, чтобы у Костика на работе все наладилось. У него неприятностей было море. Он что-то с компаньоном не мог поделить. Так после отпуска все наладилось. И как в это не верить!

– Не знаю. Я в такую ерунду не верю. Я когда в Египте была и в Луксор ездила, нам тоже говорили, чтобы мы обошли памятник жуку-скарабею несколько раз и за задницу его подержали. Мол, при этом надо загадать желание, и оно обязательно исполнится. Так я там, как дура, круги нарезала. Загадала в этом году выйти замуж за красивого, надежного, обеспеченного мужчину. Год прошел, и ни черта приличного не попало.

– Наверное, это оттого, что ты сильно много желаний загадала. И замуж ты хочешь выйти, и муж тебе нужен и красивый, и обеспеченный, и надежный...

– Это называется три в одном. Я же не могу загадать выйти замуж за кого ни попадя. Ты даже не представляешь, как я этого скарабея за задницу щипала. Благо задница у него каменная, а то бы я половину у него оттяпала. Памятник высокий, приходилось прыгать и народ локтями распахивать. Я даже с одной теткой при этом поругалась. Стоит, скарабея за задницу держит. Вернее прыгает. Тучная такая, постоянно грудью меня по голове задевает. Прямо стучит и все тут своими титьками, каждая из которых не меньше килограмма весит, ей-богу... А рядом муж из новых русских, стоит и ее ждет. Я ей говорю: мол, женщина, не надо прыгать и телесами трясти. Ваше желание вон стоит и вас ждет. Имейте совесть, дайте скарабея подержать тем, у кого такого богатенького буратино нет. Скарабей всех мужиками обеспечить не может. Я вот еще замужем не была, и мне тоже такого, как у вас, хочется. А она мне и говорит, что, мол, она просит скарабея, чтобы ее спонсор никогда не гулял, а то она подозревает, что он втихую погуливает. Я ей и говорю: мол, женщина, не надо по таким пустякам скарабея тревожить, если вы уж спонсора отхватили, то старайтесь его удержать. Не скарабея надо держать за задницу, а спонсора. Короче, никого я за этот год не встретила, и никто мне даже предложение не сделал. Никто. Наколот меня скарабей, и тоннель твой тебя тоже наколет.

– А я загадала, чтобы мы из Турции с большими деньгами вернулись. Что, думаешь, не вернемся?

– Конечно, вернетесь, – влез в наш разговор Экрам.

– А желания вслух говорить нельзя, а то не сбудутся, – сделала мне замечание Ленка.

– Ты ж у нас в приметы вообще не веришь.

– В некоторые верю...

В тот момент, когда мы свернули на странную дорогу, которая, как мне показалось, вела в сторону гор, я посмотрела на Ленку и с подозрением прошептала:

– Мне кажется, что мы не туда едем.

– Можно подумать, ты дорогу в Кемер наизусть знаешь. Ты же там всего один раз была, – постаралась успокоить Ленка.

– У меня память хорошая. – Я постучала Экрама по спине и осторожно спросила: – Экрам, а мы куда едем?

– Туда, где вы будете жить.

– А что, это в горах?

– А Турция и состоит из одних гор.

– Владимир сказал, что мы будем работать в Кемере.

– Значит, так и будет. Кемер большой, там работы много.

Слова Экрама прозвучали не очень убедительно и заставили мое сердце учащенно забиться. Но делать было нечего...

Глава 5

Вскоре машина остановилась. Мы подошли к небольшому одноэтажному дому.

– Что все это значит? – Я строго посмотрела на Экрама, боясь выдать свой страх.

– Это ваше жилье.

– А где Кемер?

– Совсем недалеко. Не надо так сильно переживать. Вы здесь будете жить.

– А где туристы? Где гостиничные комплексы? – Еще секунда и у меня готова начаться истерика. – Где, я вас спрашиваю?

– Успокойтесь. Не нужно так нервничать. Давайте пройдем в дом.

Я посмотрела на побелевшую от испуга Ленку и закричала:

– Ленка, что ты стоишь, как дура, глазами хлопаешь?! Совсем бдительность потеряла?!

Надул нас твой дружок. Через соломинку, паразит! Ты что, не поняла, куда нас привезли? Что это за халабуда? Это бордель какой-то!

– Да что ты панику раньше времени разводишь?

Показалось, что Ленка успокаивает не столько меня, сколько себя.

– Еще ничего страшного не произошло. Тебе же сказали, что это всего-навсего наше жилье. Тебя никто и не обещал поселить в номере пятизвездочного отеля.

– Но ведь кругом лес и горы!

– Ну и что. Тебе же сказали, что мы тут просто будем жить, а на работу будем ездить на маршрутке, наверное. Мы же не можем жить при гостинице вместе с туристами.

– Ага, размечталась.

– Девочки, прекратите ругаться и заходите к себе домой, – глаза Экрама стали суровыми. Водитель, не говорящий по-русски, открыл дверь в дом и улыбнулся:

– Здравствуй, Наташа. Как дела?

– Ага, нашел дуру! – крикнула я и ринулась прочь.

Я и сама не знала, куда пыталась убежать. В горы? В лес? С большой дорожной сумкой, на каблуках...

– Светка, ты куда? – донесся до меня перепуганный голос подруги.

– На кудыкину гору!

Но в этот момент меня нагнал Экрам и повалил на землю. Он заломил мне руки и, подняв на ноги, отвесил пощечину.

– Девушка, ты приехала работать или показывать свой характер?

– Я приехала работать в Кемере!

– А это и есть Кемер!

– Я была в Кемере! Я знаю! Я там отдыхала!

– Ты приехала не на отдых. Ты приехала трудиться. Куда ты собралась, если у тебя нет ни денег, ни обратного билета?!

– Пойду в полицию!

– Не говори глупости. Тебя посадят в турецкую тюрьму, а ты даже не можешь себе представить, что это такое.

– Я позвоню Владимиру и расскажу, что ты меня ударил и завез черт знает куда!

– Звони. Владимир сказал, что вы очень хорошие девушки, что вам очень нужны деньги и вы хотите работать. Если ты не будешь меня слушаться, то я буду очень сильно тебя бить.

Через несколько минут нас запихнули в какую-то обшарпанную комнату с металлическими пружинными кроватями, точно такими же, как стоят в казармах или пионерских (как они теперь называются?) лагерях. Как только за нами закрылась дверь, я опустила свою дорожную сумку на пол и повернулась к подруге.

- Ну что, Леночка, ты молчишь? Как тебе наше жилье, впечатляет?
- Мне пока нечего говорить, – холодно ответила Ленка.
- Ты хочешь сказать, что все в порядке?!
- Я ничего не хочу сказать. У меня вообще пока нет никаких эмоций.
- И по поводу того, что Экрам меня ударил, у тебя тоже эмоций нет?
- В этом ты сама виновата.
- Я?! – опешила я от такого ответа своей подруги.

– Ты. Экрам просто за тебя переживал. Еще бы, ни с того ни с сего понеслась сломя голову, да еще в горы. Ты только подумай: ночь, лес. В какую полицию ты побежала? Да тебя бы за первым попавшимся кустом турки нагнали, отодрали и прикончили, а может быть, и в какой-нибудь гарем оттащили. Тебя бы потом вообще никто не нашел. А что еще Экраму оставалось делать, чтобы привести тебя в чувство? Вот он тебе и врезал. Потому что человек несет за тебя ответственность. Видно, что он Владимира уважает и очень хорошо к нему относится. Я никак не могу понять, зачем ты такой концерт закатила?! Кому он нужен?

– Ленка, ты какая-то наивная, ей-богу, – произнесла я обреченно. – По-твоему, все хорошо? По-твоему, все так и должно быть? Ты считаешь, что завтра нас повезут в отель?! Да твой Владимир тебя подставил. Просто подставил, и все. Мы сидим у черта на куличках. Ты хочешь сказать, что нас сейчас кто-то найдет? Да никто!

– Знаешь, когда я отдыхала в Египте...

– И что же было, когда ты отдыхала в Египте? Только не забывай, что ты сюда не отдыхать, а работать приехала.

– Так вот, когда я отдыхала в Египте, я познакомилась с одной девушкой, которая приехала в Хургаду на заработки как спортивный инструктор у отдыхающих. Она на пляже проводила занятия аэробикой, давала уроки восточных танцев, аквааэробики. Мы с ней разговорились. Она сама из Петербурга. Она пожаловалась мне, что ее вместе с подругой поселили в чудовищных условиях, далеко от гостиницы. В каком-то доме им выделили кладовку в подвальном помещении, без элементарного душа, с туалетом на улице. Они боялись там спать. В кладовке ползали какие-то страшные жуки и пищали мыши. О кондиционере они и не мечтали, просто изнывали от египетской жары, духоты и задыхались по ночам точно так же, как задыхается выброшенная из воды рыба. Так что не только нас поселили в таких условиях. Тем более эта девочка работала за несчастных сто долларов в месяц.

– За сто долларов? Она что, ненормальная? Такие деньги можно, не напрягаясь, в Питере заработать.

– Я тоже об этом подумала, но она объяснила мне, что у нее не все в порядке со здоровьем. Ей, мол, очень подходит египетский климат.

– Бред какой-то. Как он ей подходит, если она в кладовке задыхалась?!

– Наверное, она это просто придумала, надо же было что-то ответить. Возможно, она из малообеспеченной, неблагополучной семьи и ей просто хотелось уехать из дому.

В этот момент дверь в комнату открылась, и на пороге появился Экрам. Лена встала со своей скрипучей кровати и улыбнулась.

– Экрам, уже поздно. Мы устали с дороги и очень хотим спать. Нам необходимо помыться, принять душ. Покажи, где тут у вас ванная. И еще нам нужно чистое постельное белье. Владимир не говорил нам, что мы должны везти его с собой из России. А это... – Лена перевела взгляд на серые простыни, которые отвратительно пахли и, судя по всему, не менялись уже несколько месяцев, а может быть, даже и лет. – А это ни в какие ворота не лезет.

– Куда не лезет? – не понял Экрам.

– Это очень плохое белье, – пояснила Ленка. – На таком спать нельзя. И еще нам нужны веник и совок. Мы хотим немного прибраться в своей комнате. Мы думали, что нас привезут в лучшие условия, а тут сплошная грязь. Для нас нет комнаты попроще?

– Это ваша комната.

Поняв, что общаться с турком совершенно бесполезно, Ленка безнадежно развела руками:

– Короче, все понятно. С тобой разговаривать – как об стенку горох. Сами живете в грязи и русских к ней приучаете. Показывай, где туалет, душ, веник, совок и чистое белье. О работе потолкуем завтра утром.

– О работе будем говорить сейчас, – замотал головой Экрам.

– Что о ней сейчас говорить, если уже первый час ночи? Ты мне мозги не пудри. Руссо туристо давно спят! Все рабочие моменты завтра обговорим. Я не из соседнего аула пришла, а из Москвы прилетела. Я спать хочу!

– Пойдем поговорить о работе. Бери подругу, – стоял на своем Экрам. – Там люди ждут. Поговорим, а потом спать.

Мы с Ленкой переглянулись. Сердце у меня тревожно забилося, показалось, что оно стучит так громко, что его слышат даже в соседней комнате.

– Ну хорошо, пойдем поговорим, – Ленка старалась казаться спокойной, но я-то знала, что ее спокойствие не стоит выеденного яйца.

– Экрам, я что-то не пойму, какие люди нас ждут и с кем мы должны разговаривать, – влезла я в разговор.

– Вас ждут люди. Они в дальней комнате.

– Люди в дальней комнате? Что за люди?

– Турецкие люди.

Мы с Ленкой шли за Экрамом на ватных ногах с нехорошим предчувствием.

– Что-то не возьмем в толк, куда мы идем? – почти хором спросили мы, двигаясь по темному длинному коридору.

Экрам не ответил. Он распахнул дверь в самую дальнюю комнату, обставленную с восточной роскошью. Навстречу нам с диванов поднялись два тучных турка. Мы с Ленкой присели на самый краешек дивана и с опаской посмотрели на глазающих на нас мужчин. Буквально через минуту в комнату вошел еще один турок и что-то зашептал на ухо Экраму. При этом мужчины постоянно поглядывали в нашу сторону и размахивали руками.

– Лена, кажется, мы вляпались. – Я посмотрела на мертвецки бледную подругу и опустила глаза.

– Владимир не мог меня так подставить, – дрожащим голосом пискнула Ленка и отвела взгляд в сторону.

– Выходит, что мог.

Закончив разговор, Экрам повернулся к нам:

– Девушки, раздевайтесь. Вас должен осмотреть врач.

– Что-о? – оторопели мы с Ленкой.

– Снимайте одежду и белье. Доктор вас посмотрит, – все так же спокойно, без лишних эмоций повторил Экрам.

– С чего бы это? Надо было раньше говорить, мы бы в России медкомиссию прошли.

– Мы не доверяем российским врачам.

– А мы не доверяем турецким врачам.

– Не спорьте. Уже слишком поздно. Врач очень устал. Он далеко живет. Он хочет ехать домой спать.

– Да как мы будем раздеваться перед таким количеством мужиков?! – первой взорвалась я.

Экрам что-то сказал двум туркам, которые просто сверлили нас похотливыми взглядами, и те вышли.

– Я не могу вас покинуть. Врач ни слова не говорит по-русски.

– А что этот врач будет делать?

– Возьмет у вас кровь и мазки на анализ. Он скажет результат ровно через двадцать минут. Он делает экспресс-анализ.

– А зачем кровь и мазки? Если это необходимо, мы могли сделать это у себя дома.

– Я же сказал, что мы не доверяем русским врачам. Анализы нужны для того, чтобы вы могли работать с людьми.

– В конце концов, мы же не будем с ними тесно общаться... На черта нужны такие анализы? – сгорала от возмущения я.

– Таковы правила. Я прошу прекратить споры. Я не люблю работать с несговорчивыми девушками. Я сам был в России и знаю, что при устройстве на работу у вас всегда проходят медицинскую комиссию, где берут и кровь и мазки. Эту комиссию проходят везде, даже при устройстве на рынок. Этого требуют правила. Работа с людьми есть работа с людьми.

В тот момент, когда Экрам отвернулся к окну, мы разделись и с отвращением посмотрели на турка, натягивающего резиновые перчатки. Врач внимательно нас осмотрел, ощупал, взял мазки и кровь. После того как он вышел, мы быстро оделись и старались не встречаться взглядом с повернувшимся к нам Экрамом.

– На сегодня все? Мы можем идти спать?

– Нет. Надо дождаться результата анализов.

– Зачем?

– Затем, что я должен быть уверен в том, что вы совершенно здоровы.

– А если мы не здоровы? Что тогда? – съехидничала Ленка.

– Тогда я буду вас лечить.

– Что?

– Если вы нездоровы, то вы будете лечиться прямо с завтрашнего дня. Мне нужны здоровые работницы, а деньги, затраченные на лечение, я вычту из вашей будущей зарплаты.

Экрам пододвинул к нам столик на колесиках и налил чаю. Мы с Ленкой буквально уткнулись в свои прозрачные чашечки и стали медленно потягивать горячий чай. Через несколько минут в комнату вновь вошел врач, а следом за ним те два тучных турка, которые, по всей вероятности, все это время стояли за дверью.

– Анализы удовлетворительные, – все так же спокойно сказал Экрам и одобрительно кивнул.

– Кто бы сомневался! – Ленка допила свой чай и отставила чашечку. – Мы можем идти отдыхать?

– Нет.

– Как, опять нет?

– Мои друзья хотят, чтобы вы показали им свои профессиональные навыки.

– Что?

– Сейчас немного поработаете, а затем отправитесь спать, если уж вам так хочется. Ваша работа заключается в том, что вы должны квалифицированно обслуживать достойных людей. Секс будет такой, как пожелает клиент. Минет, анальный, групповой. Ни в коем случае ни от чего не отказываться, иначе мне придется вас бить. Значит, так. В этом месяце ровно тридцать дней. Значит, за каждый отработанный день вы будете получать пятьдесят долларов. Но только в том случае, если этот день вы отработаете честно, без жалоб. Количество клиентов буду определять я. Если хотя бы один раз вы что-то сделаете не так или на вас пожалуется какой-нибудь клиент, то вы лишитесь тех пятидесяти долларов в день, которые вам положены. Заработная плата будет выдаваться вам в конце месяца, но начисляться каждый день. Я буду вести специальную тетрадь, где стану отмечать, зачисляются ли каждой из вас положенные за день деньги или нет. Поэтому, возможно, одна из вас получит полторы тысячи долларов, а другая нет. Так что старайтесь, чтобы я ни в коем случае вас не штрафовал и не лишал денег.

Земля ушла у меня из-под ног, и я беспомощно посмотрела на Ленку.

– Ты слышишь, что он говорит?

– Слышу. Не глухая. – Ленка позеленела, раздула ноздри и тяжело задышала. – Экрам, сукин ты сын. Ты, наверно, что-то перепутал. Мы приехали сюда работать не проститутками, а гидами. Ты Владимира не так понял...

– Я очень хорошо понял Владимира, – все так же невозмутимо ответил Экрам. – Владимир уже три года поставляет мне проституток. Я гидами не занимаюсь.

– А ну-ка дай телефон. Я ему позвоню.

– Не могу. Звонок стоит денег, а вы еще ничего не заработали.

– Тогда дай в кредит.

– Никаких кредитов я не даю.

Я дрожащей рукой достала из лифчика десятидолларовую купюру и протянула ее Ленке.

– На, дай ему. Пусть он даст тебе телефон. Наверное, произошла какая-то ошибка.

– Конечно, ошибка. Не переживай. Сейчас мы все уладим.

Ленка отдала купюру Экраму, а тот передал ей мобильник.

– Только недолго. На десять долларов много не наговоришь.

– Я быстро. Владимир сам все тебе скажет. – Набрав номер Владимира, Ленка тихонько всхлипнула и заголосила: – Вовка, привет! Узнал? Знаешь, у меня здесь неприятности. Экрам привез нас в горы и заставляет заниматься проституцией. Произошла какая-то путаница. Ты ему, пожалуйста, сам скажи, что он нас с кем-то перепутал, что мы приехали работать гидами. Я умоляю тебя, скажи. – В этот момент Ленка изменилась в лице и закричала что было сил: – Але! Але! Связь прервалась. Можно я еще раз наберу?

– Можно.

На другом конце провода бесстрастный голос ответил, что абонент недоступен.

Ленка протянула трубку Экраму и непонимающе посмотрела на меня.

– Лен, что такое?

– Представляешь, он меня не узнал.

– Как это не узнал?

– Он сказал, что никакую Лену не знает и вообще никого в Турцию не отправлял. А теперь отключил телефон. – Ленка вновь посмотрела на Экрама и произнесла, сама не веря собственным словам: – Там что-то со связью. Экрам, а ты не знаешь номер его городского телефона, а то с мобильным какой-то непорядок? У нас мобильная связь очень плохая. Некачественная, понимаешь? Компаний полно развелось, а качества никакого нет. Я не знаю номер городского телефона Владимира, потому что он никогда не отключает свой мобильный и ему можно дозвониться в любое время суток. Если он его отключил, значит, не желает разговаривать. – Ленка закрыла лицо руками и тихонько всхлипнула. – Свет, я не понимаю, что происходит. Ты же видела Владимира... Ты же тоже с ним общалась... Ты же знаешь, что он не мог. Он не мог... Я знаю Владимира много лет. Он всегда был потрясающим любовником... Он всегда обо мне заботился... Помогал... Он не мог...

– Я тоже знала Костика много лет, и он тоже мне помогал и заботился. Лен, неужели ты до сих пор не поняла, что твой Владимир нас самым наглым образом кинул? Ну что ты стоишь, ресницами хлопаешь? Думаешь, связь прервалась? Ни хрена там ничего не прервалось! Все нормально функционирует, просто мобильный телефон тем хорош, что его можно отключить. Не узнал он тебя, говоришь? Как же! Эх, ты...

– Свет, ну а за что он меня так? Да и тебя тоже... Что я ему сделала? Я ведь никогда не вела себя вульгарно и не говорила ему о том, что мечтаю стать проституткой. Где я допустила промах, что он именно так обо мне подумал? Что, в конце концов, я сделала не так?

– Я тоже долго задавала себе этот вопрос после того, как от меня ушел муж. Где я допустила промах и что я сделала не так?.. Наверное, все дело в том, что мы женщины, а они муж-

чины. А Владимир твой обыкновенный торговец живым товаром. Правильно ты говорила, что он криминальным бизнесом занимается. Это и есть криминальный бизнес.

Видимо, Экраму надоело слушать нашу беседу. Он сурово сдвинул брови и гаркнул:

– Девушки, хватит разговаривать! Раздевайтесь и покажите этим почтенным господам на что вы способны. Сегодня вы отработаете без оплаты. Деньги вам начнут начислять с завтрашнего дня, потому что именно завтра вы выходите на работу и у вас начинается первый рабочий день. Сегодня вы проходите контроль на свое мастерство. Так сказать, проверка качества. Да, забыл сказать, что в критические дни вы можете брать выходные и отдыхать. Критические дни не оплачиваются. Правда, некоторые ваши предшественницы все же старались не терять в заработке. Они выходили на работу и занимались только анальным и оральным сексом. Если клиентов это устраивало, я был не против. Давайте раздевайтесь, а то эти почтенные господа устали ждать. Они всегда пробуют новеньких.

– Подождите, – мой голос дрожал, да и не только голос. – Подождите, пожалуйста. Понимаете, произошла ошибка. Когда мы сюда ехали, то думали, что будем заниматься совсем другим. У нас даже контракты есть. В них все сказано. Мы можем их вам показать. Там стоят наши подписи.

– Мне не нужны ваши контракты! – уже совсем раздраженно бросил Экрам.

– Но ведь мы их подписывали.

– Ваши контакты – это просто бумажки, они не имеют никакой юридической силы.

– Хорошо. Мы понимаем, что нас обманули, и хотели бы исправить положение. Мы также понимаем, что Владимир потратился на наши билеты. Мы готовы за все заплатить и даже за моральный ущерб, который мы вам доставили. Мы все оплатим с лихвой, обещаем. Понимаете, у меня в Москве есть хорошая, большая квартира в престижном доме. За такими квартирами просто охотятся покупатели. Я вас очень прошу, отправьте нас, пожалуйста, обратно на родину. Я, как приеду, сразу пойду в агентство недвижимости и обменяю эту квартиру на меньшую. Это делают довольно быстро, уж поверьте мне. Я получу деньги и тут же поеду к Владимиру и заплачу ему за ваш моральный ущерб. Я и за Ленку тоже заплачу. Сколько скажете, столько и заплачу. Поймите, у меня в Москве осталось двое маленьких детей, я была всегда добропорядочной женщиной, и даже если моим детям совсем будет нечего есть, пойду мыть полы, но никогда в жизни не опущусь до того, чтобы стать проституткой.

– Раздевайтесь. Мы не хотим ждать никаких денег. – Экрам был непреклонен.

– Хорошо. Если вы не хотите ждать пока я буду обменивать квартиру, вы получите деньги сразу. Отправляйте нас в Москву. Пусть там нас встречает Владимир. Сразу, прямо из аэропорта, мы заедем в одно место и возьмем необходимые деньги.

– А где ты деньги-то возьмешь? – спросила бледная Ленка.

– К Костику поедем. На колени встану и перед ним, и перед молодой женой. Не за себя просить буду, а за детей.

– Он не даст.

– Даст. Он не допустит, чтобы я у его дверей голосила и на коленях ползала.

– Девушки, хватит. Если вы сейчас не разденетесь, мне придется вас побить. Вы не уедете на родину, пока не отработаете свои положенные три месяца. Это мое последнее слово.

Мы с Ленкой беспомощно переглянулись, но переглядываться было бессмысленно. Турки скинули с себя одежду и... остались в чем мать родила.

– Якши... Якши... – забормотали они и стали подходить к нам.

Мы попятились к стене. В тот момент, когда ко мне вплотную приблизился один из него-деев, я завопила и врезала ему коленом в пах. В тот же момент Экрам ударил меня плеткой. Я закричала и провалилась в обморок... Когда очнулась, то, задыхаясь от боли, унижения и позора, молча терпела то, что проделывали со мной жирные турки. Сначала со мной. Затем с Ленкой... Потом опять со мной... А затем с нами двумя... Когда Ленка потеряла сознание, они

набрасывались на меня. Когда теряла сознание я, они набрасывались на только что очухавшуюся и открывшую глаза Ленку...

Сколько прошло времени, я не знаю. Я стонала от дикой боли. Наконец эти звери начали одеваться.

– Вы успешно прошли испытание, – похвалил нас Экрам и обменялся с турками дружескими рукопожатиями. – Молодцы. Вы доставили этим людям удовольствие. А теперь примите душ, который находится рядом с вашей комнатой, и ложитесь спать. Завтра у вас тяжелый рабочий день. Утром покажу комнаты, в которых вы будете и жить и работать. Отдыхайте.

Мы прикрылись разорванной одеждой и молча поплелись по длинному коридору. Болело буквально все. Ноги, грудь, спина, низ живота... Кое-как приняв душ, я плюхнулась на железную кровать и заревела.

На соседнюю кровать легла Ленка и заревела еще громче. Когда мы немного успокоились, Ленка поджала под себя грязную подушку и прошептала:

– Светочка, прости меня, пожалуйста.

– За что? – так же шепотом спросила я.

– За то, что все так вышло.

– Да ты-то тут при чем?

– Как это при чем? Я же тебя сюда притащила.

– Никто меня не тащил. Я сама сюда приехала. Господи, какая же я дура. Дура какая! Добропорядочная мать двоих детей... Ленка, я больше жить не хочу.

– Не говори ерунды. Нельзя из-за мужиков жизни лишаться. Ни один мужик этого не стоит. Ни один. Мы отсюда сбежим. Вот увидишь, сбежим и забудем все это, как страшный сон. Кто про это знает? Ты да я... Больше никто. Так вот никто и не узнает. Вычеркнем это из памяти, и все тут.

– Да разве можно такое вычеркнуть?

– Можно. В памяти нужно оставлять только хорошее, а все плохое нужно вычеркивать. Ты вычеркнешь Константина. Я вычеркну Владимира. Турцию тоже на хрен. Все будет нормально. Я тебе обещаю. Я дверь подергала. Нас закрыли. Но это только на первое время. До тех пор, пока они не поймут, что мы сбежать никуда не собираемся, и не потеряют бдительность. Не будут же нас пожизненно взаперти держать. При первой же возможности отсюда сиганем.

– Куда?

– Куда-нибудь.

– Пока нас трахали, кто-то порылся в наших сумках и вытащил паспорта. Тех денег, которые были у меня в лифчике, тоже нет.

– Ничего. Все равно сбежим.

– А куда бежать-то без денег и паспорта?

– Куда глаза глядят. Свет, что ты такие вопросы задаешь? В самом деле, не сидеть же нам всю свою жизнь в этой хибаре и не обслуживать турков! Найдем посольство или примкнем к русским туристам и попросим помощь. А еще лучше обратимся в полицию.

– Тогда нас посадят в турецкую тюрьму.

– Пусть. По мне лучше турецкая тюрьма, чем панель.

– По мне тоже.

– Полиция нас задержит. Начнет вести расследование, станет выяснять, как мы сюда прибыли. Мы расскажем, как нас прятали в этом доме и как принуждали заниматься проституцией. То, что нас переправили сюда обманом, само по себе уже считается преступлением. А такими вещами занимается Интерпол. Моя мать, если узнает, куда я попала, всех на ноги поднимет: и Интерпол, и министерство иностранных дел. А я ей при первом же удобном случае позвоню. Она дойдет до любой инстанции, ни перед чем не остановится и обязательно добьется того, чтобы нас отправили домой. Ты же знаешь мою мать?

– Знаю.

– Ей палец в рот не клади. Он все кверху дном перевернет, а до правды докопается.

– А она знает, куда ты поехала?

– Знает. Только вот Владимира она не знает, но ничего, я ей его координаты обязательно дам. Она его в тюрьму упечет. Я думаю, что в нашем Уголовном кодексе есть статья за торговлю живым товаром. Нам главное отсюда выбраться и явиться в полицию. Посидим немного в тюрьме, пока их власти будут разбираться, что с нами делать. Подумают подумают и на родину обязательно отправят.

– Господи, Ленка, как же у тебя все легко, – давясь от обиды, проговорила я.

– Ничего особенного. Просто я умею из любой ситуации находить выход. – Ленка немного помолчала и осторожно спросила: – Свет, а ты еще не передумала Костика убить?

– Нет.

– Знаешь, я тоже, как только денег раздобуду, обязательно с Владимиром расквитаюсь.

– Ты тоже хочешь его убить?

– А почему бы и нет. Найдем нормального киллера. Обратимся к нему сразу с двумя заказами. Оптовикам скидка. А у нас как-никак опт, хоть и малый. В этом деле большого опта не бывает.

– И где мы киллера найдем? Дадим объявление в газету? Мол, требуется молодой профессионал, имеющий собственное оружие с глушителем, для ликвидации двух объектов мужского пола. В случае успеха и отсутствия неприятных последствий хорошее вознаграждение гарантируется.

– Нет, не так. Через газету мы никого искать не будем. Хотя, если хочешь знать, не только заказчики ищут клиентов, но и клиенты ищут заказчиков. Если тебе может попасться объявление типа: «Молодой человек выполнит любое ваше поручение за определенную плату точно и в срок», то это то, что надо. Просто это так завуалировано. Киллеру найти клиента тоже трудно. Не может же он стоять на рынке с табличкой о своих услугах. Но и в таких объявлениях надо быть осторожной. Причем предельно осторожной. Такие объявления могут быть и ментовскими. Менты дают подобное объявление и смотрят, кто попадется на удочку. На кого можно затем все нераскрытые «глухари» навешать. У меня так один приятель попался. Ему надо было гербовую печать заказать для того, чтобы какую-то доверенность подделать. Он раньше всегда газету «Из рук в руки» открывал и такое проделывал по объявлениям. Там объявлений полно, где не надо никаких документов предоставлять. Просто на квартиру едешь, заказываешь, а затем приезжаешь и забираешь. Простая печать подешевле, гербовая подороже. Ты не знаешь, как мастера зовут, а мастеру нет никакого дела, как зовут тебя и для каких целей тебе это нужно. Только такие мастера часто съемные квартиры меняют для того, чтобы их менты не просекли. Все-таки подделка документов как-никак. Вот и приходится их по газете вылавливать. Сегодня они по одному телефону, а завтра по другому. Ну, вот мой приятель позвонил по одному объявлению и спрашивает: мол, вы печати без документов делаете? А там говорят: мол, не телефонный разговор, приезжайте, поговорим на месте. Обычно именно так и отвечают. Он приехал, привез оттиск гербовой печати, заказ сделал, а как только из квартиры вышел, его тут же менты взяли. Это я к тому говорю, что с объявлениями надо быть осторожными. Никогда нельзя терять бдительность. Но мы с тобой по объявлениям никого искать не будем. Мы киллеров так найдем.

– Где?

– У меня связи есть, не переживай.

– Мне что-то уже твоими связями пользоваться не хочется.

– Как знаешь. Это твое дело, но я Владимира все равно замочу. Господи, а ведь я ему верила. Он никогда меня даже словом не обидел. По ресторанам водил. В постели был таким

ласковым, таким нежным. Ласковые слова любил говорить, особенно когда был в экстазе. Кто бы мог подумать, что он мне такую свинью подложит! Гад.

Мы замолчали, я услышала, как тихонько всхлипывает Ленка, но даже не пыталась ее успокоить, потому что успокоиться нужно было не только ей, но и мне самой. Я закрыла глаза и подумала о своих детках... Бабуля уже накормила их вкусным ужином и уложила спать. Катенька по ночам беспокойно спит – ворочается, вскрикивает. Я водила ее к доктору. Доктор выписал какие-то успокоительные капельки, но и они не помогли. Врач сказал, ничего страшного, обычный лунатизм, но мне от этого стало не легче. С тех пор, как от нас ушел Костик, дочка стала еще тревожнее и каждую ночь просыпалась от собственного крика в холодном поту. Сашка спит спокойно и даже так мило посапывает. Он же мужчина и теперь единственный в нашей семье. Зато когда он вырастет, обязательно будет всех защищать. Меня, маму, свою сестренку. Он станет нашей опорой и защитой, и, наверное, это будет единственный мужчина в моей жизни, на которого я всегда смогу положиться.

А затем я почему-то подумала о Костике, о его последнем дне рождения, который мы справляли все вместе... Гуляли в парке. Дети катались на каруселях. Я просто умираю от счастья и смотрела мужу в глаза взглядом, полным любви и благодарности. В этот день я сделала красивую прическу и даже надела юбку покороче, совсем как несколько лет назад. Раньше при виде этой юбки Костик ругался. Он говорил, что мои красивые ноги принадлежат только ему и он не хочет, чтобы их видел кто-то еще. Я смеялась и говорила: мол, пусть мужики смотрят и завидуют. Мол, они смотрят, хотят, а потрогать не могут, потому что это не им принадлежит. На чужой каравай рот не разевай. Но мои уговоры совершенно не действовали на мужа. Он был непреклонен, и мне пришлось отказаться от подобной одежды. Я не хотела расстраивать мужа. Зачем? Ему и на работе проблем хватает. Тем более каждую ночь он может видеть мое обнаженное тело – он один, без всяких там любопытных глаз. Так вот, на его день рождения я нашла короткую юбку и хотела хотя бы немножко подразнить Костика, но он ее не заметил, не обратил внимания ни на юбку, ни на плотоядные взгляды мужчин, в упор рассматривающих мои ноги. Он вообще был какой-то странный, постоянно куда-то звонил, нервничал. Наверное, звонил той, с которой сейчас живет. Я чувствовала, что муж вроде бы со мной, а вроде бы и нет. Вроде бы он где-то там, совершенно в другом месте... Получается, что телом был со мной, а душой с ней. Господи, но разве так можно?.. Получается, можно. Я бы не смогла. Я бы ей-богу так не смогла...

– Свет, а у тебя кто-нибудь, кроме Костика, был? – тихо спросила Ленка.

– В смысле?

– В смысле того, ты еще с кем-нибудь спала?

– Нет. Только с Костиком.

– Тебе тяжелее.

– Почему?

– Потому что психологическая травма у тебя сильнее. У меня мужиков полно было, никаких пальцев не хватит сосчитать. Некоторых даже не вспомню.

– А зачем тебе так много?

– Как это «зачем»? Я постоянно искала одного-единственного. Знакомишься, ничего не получается, а сама знаешь, что отношения не могут развиваться без постели. Ищешь следующего – тоже ничего хорошего. Хочешь методом проб и ошибок найти одного-единственного, но он никак не находится. В жизни так всегда получается. Одни с первого раза свою судьбу хватают за хвост и живут со своей половинкой, а другие всю жизнь ищут, и глухо. Может, вранье все это про эти половинки. Может, это специально кто-то придумал, чтобы людям голову морочить? Нет твоих половинок и не было никогда. Я целая и неделимая. А ты что, правда, Костику ни разу не изменяла?

– Конечно. Я об этом даже никогда не думала. Лен, давай спать. Неизвестно, что нас ждет завтра.

– Давай, – Ленка перевернулась на другой бок и заскрипела пружинами. – Кровати – как из пионерского лагеря. Все бока прямо болят.

– Хорошо, если эти бока только от кроватей болеть будут, а не от чего другого.

Я закрыла глаза и медленно провалилась в сон. В эту ночь мне совершенно ничего не снилось. Ничего... Пустота и темнота – тихая, зловещая и страшная...

Глава 6

Показалось, что я проспала всего несколько часов. Когда проснулась, я подошла к окну с прочной железной решеткой, постояла у него несколько минут и, посмотрев на спящую Ленку, смахнула слезы. Ленка сладко посапывала и видела, наверное, красочные сны. Подергав закрытую дверь, я с грустью подумала, что Экрам перестраховался и не вспомнил даже о том, что кому-то из нас может понадобиться сходить в туалет.

Сев на краешек кровати, я закрыла лицо ладонями и стала настраивать себя на то, что я должна как-то держаться и стараться не сойти с ума. Денег на обратную дорогу у меня не было. Ни денег, ни лифчика, в котором они лежали... Ни документов, ни уж тем более обратных билетов. Если бы кто-нибудь раньше сказал мне, что Турция меня так встретит, я бы ни за что не поверила.

На пороге появился сонный Экрам с мобильным телефоном в руках.

– Я разговаривал с Владимиром.

– Что? – Ленка моментально подняла голову и протерла глаза.

– Владимиром передал вам наилучшие пожелания. Сказал, что не нужно паниковать. Нужно работать. Заработаете денег на обратную дорогу и вернетесь домой. Да и не только на обратную дорогу, но и на жизнь. Турки любят русских девушек. Они их очень любят. Поэтому клиентов у вас будет много. Русские девушки красивые и очень дешевые.

– А что ж вы своих не трахаете? Что же вы нас дурачите и обманом сюда привозите? Где же ваши турецкие королевны? – взорвалась Ленка.

– Наши женщины чистые. Они святые. Их надо беречь. А русские Наташи только делают вид, что им неприятно то, чем они занимаются, а на самом деле их все устраивает. Они для этого рождены. Они от природы проститутки.

– А ваши женщины кто от природы?

– Наши женщины никогда не наденут ни купальник, ни короткую юбку. Они соблюдают традиции и выполняют свое предназначение – поклоняться мужчине, рожать детей и хранить семейный очаг. Давайте больше не будем говорить на эту тему.

Ленка с брезгливостью посмотрела на свою кровать и недовольно фыркнула:

– Экрам, эта постель не менялась несколько лет. Мы не ваши турецкие женщины, которые могут жить в грязи, не мыться годами и вонять так, что, проходя мимо них, невольно зажимаешь нос. Мы совсем другие. Русские женщины привыкли жить в чистоте. Надо поменять постель. Это ты своим теткам стели, а мы в таком дерьме спать не будем.

– Сейчас я вас переселю в другие комнаты. Вы будете отдельно жить и отдельно работать.

– Но мы не хотим жить отдельно, – я вдруг подумала о том, что сейчас или меня, или Светку перевезут в другое место, и оттого, что мы можем потерять друг с другом связь, мне стало просто невыносимо.

– Вы будете жить в соседних комнатах.

– Экрам, а ну-ка дай телефон. Я еще раз позвоню Владимиру, – что-то придумала Ленка.

– Звонки закончились. Владимир передал вам, чтобы вы его больше не беспокоили. Он сказал вам, что вы должны быть ему благодарны за то, что он переправил вас за границу и дал вам возможность заработать.

– Даже так? Хорошо. Мы его по приезде отблагодарим. Мы его так отблагодарим, как его еще никто в жизни не благодарил, – Ленку слегка затрясло. Я даже перепугалась и подумала, что у нее началась лихорадка.

– Лен, ты что?

– Да ничего. Это просто нервы. Я вот сегодня полночи уснуть не могла. Лежу и думаю: Господи, мне бы только до родной земли добраться. Только бы добраться. Я бы с этим козлом

рассчиталась. Я бы с ним за все рассчиталась. Я бы за всех отправленных сюда девчонок его наказала. Я бы такую изощренную смерть ему придумала, чтобы он умирал в чудовищных муках и молил меня о пощаде. Знаешь, я подумала, что нынче киллера найти не проблема. Только свистни, их знаешь сколько набезит. Проблема в том, чтобы найти деньги на киллера. Вот это настоящая проблема. Такое удовольствие, как замочить гада, нынче очень даже не дешовое. Так вот, если я киллера не найду, я его сама замочу. Ведь оружие купить намного легче, чем оплатить услуги профессионального киллера. А не найду оружие, возьму молоток, положу в пакет и приду к Владимиру в гости. Скажу: мол, давай вспомним старые добрые времена. Выкатывай бутылку коньяка на стол. Посидим, выпьем, любовью займемся. Мол, меня от благодарности за то, что он мне путевку в жизнь дал и возможность подзаработать, аж распирает. Мне даже кажется, что меня самой стало много. Пока этот дурак бутылку доставать будет, я выну из пакета молоток и как дам ему по его никчемной и ужасной голове! Да не просто ударю... Я в этот удар столько силы, озлобленности и ненависти вложу, что у него черепушка треснет и расколется на кусочки. Конечно, была бы моя воля, я бы его сама в Турцию на заработки отправила. Как жаль, что у нас только женщины так бесправны. Почему для мужиков нет никаких борделей или притонов, где бы они могли содержаться и выполнять все женские прихоти? Почему такая несправедливость? Кстати, Светка, если тебе надо Костика убрать, то ты никого не ищи и деньги попусту не трать. Тебе, в конце концов, двух ребятишек поднимать. Тебе деньги намного нужнее, чем мне. Я одна могу с хлеба на воду перебиться, а твои детки не перебьются. Так вот, это я все к тому, что если тебе надо Костика замочить, то я его сама замочу. Смело обращайся ко мне. Сделаю это безвозмездно, чисто по-дружески, из самых лучших побуждений. Тем же самым молотком по тому же самому месту. Какая разница, за одного сидеть или за двоих, семь бед – один ответ...

– Хватит болтать, пора работать, – злобно перебил Светку Экрам и показал нам на выход. – И почему русские женщины так много говорят? От их болтовни у мужчин уши начинают болеть. Турецкие женщины молчат и не раздражают мужчин.

– Наверное, это оттого, что турецким женщинам по жизни ничего не надо. Ни шмоток приличных, ни отдыха, ни внимания, ни чистого белья, ни нормального человеческого общения. Они неприхотливы, как бродячие собаки. Им бы только сидеть и печь лепешки, – заключила Ленка, поднялась и отряхнула помятую одежду. – Я сегодня одетая спала, как турецкая женщина. Они же у вас годами не раздеваются. Даже когда трахаются, только юбку поднимают, и все. Я раздеться боюсь. Мне кажется, меня сразу клопы кусают. Интересно, у вас в Турции есть клопы или нет? Наверно, так же, как и везде. Ваших-то баб небось не кусают. Они же наденут на себя по десять платьев. А в этих платьях столько грязи, что там любой клоп кверху ногами упадет...

– Хватит! – не выдержав, крикнул Экрам. – Хватит галдеть, как вороны. Берите свои дорожные сумки и идите за мной.

Каждой из нас выделили по небольшой отдельной комнатке, которые находились по соседству, через стенку друг от друга. В комнате, к моему удивлению, был кондиционер, от которого мне стало немного полегче. Посреди комнаты стояла низкая широкая кровать, выполненная в восточном стиле. У стены точно такой же низкий шкаф, примерно по пояс или даже ниже. В комнате находилась душевая кабина, была как холодная, так и горячая вода. Пока Ленка разбирала вещи в своей комнате и складывала их в шкаф, Экрам стоял рядом со мной и наблюдал за моими действиями.

– Тут чистая постель, – показал он мне на кровать. – Можешь поднять покрывало и убедиться.

– Очень хорошо, – почти без сил выдавила я.

– А почему у тебя так мало вещей, а у твоей подруги так много?

– У меня было предчувствие, что вещи мне совсем не понадобятся.

– А что, правда, что у тебя двое детей?

– Правда, – я почувствовала, как на моих глазах показались слезы.

– А с кем ты их оставила?

– С мамой.

– У тебя такая красивая фигура, так с виду и не скажешь, что у тебя двое детей...

– Я старалась не распускать себя после родов.

– В прошлом году здесь работала одна девушка с Украины, так у нее было трое детей.

Зачем рожать детей, чтобы потом быть проституткой?

– Я не собиралась быть проституткой. Я же уже тебе, по-моему, объясняла, что мы попали сюда обманым путем. Нас обманул Владимир.

– Все равно, ты взрослая женщина и должна понимать, что на свете бывает обман.

– Я поплатилась за свою излишнюю доверчивость. Просто у меня была страшная депрессия.

– А что это такое? Как это по-турецки?

– Я не знаю, как это будет по-турецки, я вообще по-вашему ни слова не знаю, забыл, что ли? Ну в общем, мне было все безразлично. Буквально все. От меня ушел муж, и жизнь потеряла всякий смысл. Возможно, если бы я была в другом, нормальном состоянии, я бы отказалась от идеи заработать таким образом, а тогда я была слишком слаба, чтобы что-то соображать. Я соглашалась буквально на все. Я хотела куда-нибудь уехать, поменять обстановку для того, чтобы все забыть...

– Считаю, что тебе не повезло. Я не могу тебе ничем помочь.

– Но почему?

– Потому что таких, как ты, я видел очень много. Поначалу все плачут, пытаются покончить жизнь самоубийством, у них начинается... как это ты назвала?

– Депрессия.

– Вот-вот, депрессия. Иногда я не мог спать по ночам, потому что слышал, как плачут закрытые в комнатах девушки. Кричат, орут, зовут своих мам и просят о помощи. Но все это происходит только в первое время. Затем они успокаиваются, привыкают и начинают нормально работать. Не проходит и месяца, как они крепко спят после тяжелого трудового дня и уже не выдавливают из себя даже слезинки. Человек привыкает ко всему. Ты тоже привыкнешь. Некоторые девушки даже не уезжают домой, а остаются здесь и работают дальше. Они говорят, что уж лучше работать в Турции и спать с турками, чем жить в России и спать с русскими мужиками. Они считают, что здесь меньше позора. Здесь их никто не знает. Турки просто трахают и не лезут... как эта штука называется? Забыл.

– Душа, – произнесла я обреченно.

– Правильно. Турки не лезут в душу и ни о чем не расспрашивают девушку, а уж тем более ее не стыдят. А русские лезут в душу, начинают девушку стыдить и чему-то учить. Они говорят, что это тяжело морально. Здесь, в Турции, они зарабатывают деньги, приезжают на Родину и ведут нормальную, обыкновенную жизнь, и никто не знает, чем они занимались за границей. Никто этого не знает, кроме них самих. Это остается их тайной. За границей они не занимаются тем, чем занимались в России. Они стараются не вспоминать о том, что с ними было. А если их кто-то и спросит, то они говорят, что работали нянями, горничными или танцевали в ночных клубах. Так что наберись терпения. Никто никогда не узнает, чем ты тут занималась. Ни твои близкие, ни твои дети. Ты будешь просто зарабатывать деньги. В данном случае ты будешь их зарабатывать своим телом, потому что ничего другого от тебя не требуется. Ты говоришь, что приехала сюда, потому что тебя бросил муж? Надо было искать такого мужа, который бы тебя не бросил.

– С такими у нас большая проблема.

– Вот видишь. Вы смеетесь над турецкой женщиной, но турецкую женщину никогда не бросит мужчина. У нас совсем другие нравы в отношении наших женщин. Турецкой женщине не надо зарабатывать деньги. Ее содержит мужчина. Вы сами сделали своих мужчин такими, что они именно так к вам относятся. Вам не нравится, как к вам относятся турецкие мужчины? Так ваши русские мужчины к вам относятся еще хуже, если они могут бросать вас с детьми... Турецкий мужчина никогда не сможет бросить женщину, а уж тем более ребенка. Если вас не уважают ваши же русские мужчины, то почему вас должны уважать иностранные?

– Уж лучше я буду брошенной русской женщиной, чем неброшенной, но любимой турецкой женой, – грустно сказала я и с ужасом представила себя в турецком бесформенном черном платье и точно такой же косынке. – Они ведь после замужества одеваются во все черное. Это значит, что у них начинается черная жизнь.

– Ну вот и будь проституткой, чтобы у тебя жизнь была белая, – недовольно бросил Экрам и вышел из комнаты.

Как только за Экрамом закрылась дверь, я сжала кулаки и постаралась сдержать слезы.

Именно с этого дня у нас началась работа. Страшная, грязная и однообразная. Я старалась побороть тошноту, закрывала глаза, сжимала кулаки, а нижнюю губу кусала до крови и лежала, как мумия, стараясь не слышать чужого, громкого дыхания, не чувствовать страшный запах пота, исходящий от немытых тел, не видеть похотливые взгляды и не реагировать на мозолистые руки с засохшей грязью под желтыми ногтями.

Иногда, когда мне просто хотелось умереть под чужим, потным телом, я вспоминала наши ночи с Константином, те, что были в самом начале нашей семейной жизни.

Мы испытывали неземное блаженство, клялись в вечной любви и засыпали в крепких объятиях друг друга. Когда я просыпалась среди ночи и говорила мужу о том, как сильно его люблю, муж поднимал голову и с особой нежностью целовал мое лицо. Но это было так давно, что мне даже кажется, будто этого вовсе и не было. Ни ночей, ни Константина, ни той жизни, которая называется семейной.

А затем, когда все заканчивалось, я ощущала сумасшедшую тяжесть на душе и чувствовала, как мне хочется заорать и наложить на себя руки. Я не могла себе даже представить, как смогу вернуться на родину и посмотреть в глаза своей маме и детям. И все же... все же я мечтала о побеге. Только я не могла себе представить, куда мне нужно бежать, чтобы получить хоть какую-то защиту. У меня не было ни денег, ни документов. У меня вообще ничего не было. Я находилась в горах, окруженных густым лесом.

Если даже мне удастся выбежать на трассу и поймать попутную машину, то где гарантия того, что остановившийся турок не увезет меня в новый бордель или не изнасилует сам, поделившись потом со своими друзьями. Что бы ни говорила Ленка, я знала одно и даже, по моему, где-то про это читала, что российские посольства и всевозможные представительства за рубежом не особенно любят общаться с подобными девушками, не говоря уже о том, чтобы им помогать. В таких случаях спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Каждый день ко мне приходил Экрам и зачастую ругал, что какой-то клиент остался мною недоволен. Это значит, что за сегодняшний день я лишаясь своих положенных пятидесяти долларов.

– Гости жалуются, что ты лежишь, как бревно, и палец о палец не ударишь. Я не могу платить тебе деньги за то, что ты получаешь удовольствие и ничего не делаешь! – довольно громко ругался он.

– А что я должна делать? О каких удовольствиях ты говоришь? – спрашивала я его сквозь рыдания. – Да я, кроме отвращения и брезгливости, ничего не испытываю!

– Надо быть активнее. Изображай стоны и старайся доставить мужчине приятное.

Поняв, что я просто могу потерять рассудок, я подскочила со своей кровати, встала перед Экрамом на колени и горько произнесла:

– Экрам, миленький, отправь меня на родину. Я тебе за все заплачу. Я тебе деньги вместе с туристами передам. Я тебя умоляю. Не мое это. Я тебя не подведу. Иначе я просто наложу на себя руки. Не могу я с чужими мужиками спать. Не могу...

– Можешь, – Экрам пнул меня ногой.

Удар пришелся по лицу, я взвыла от боли и отползла от него подальше.

– Не могу!

– Можешь. Русская женщина все может. Если ты и дальше будешь так же плохо работать, я посажу тебя на хлеб и воду и начну бить плеткой. Ты умрешь от побоев. Это страшная и мучительная смерть. Ты должна понять, что надо стараться. Это твой единственный выход. Другого у тебя нет. Жаловаться бесполезно. Никто тебе не поможет. Бежать тоже бесполезно. Кругом горы. Для здешних жителей русская женщина в диковинку. Поймают, отведут в какую-нибудь землянку и будут насиловать каждый день всем селением, пока ты не умрешь. В общем, это мое последнее предупреждение.

Вечером в комнату вошла измотанная Ленка и села рядом со мной на кровать.

– Ты как? – глухо спросила она и поправила разорванное платье.

– Зачем ты спрашиваешь? Ты же знаешь ответ.

– Сдохнуть хочется. Мы здесь уже неделю, а Экрам нам даже копейки не начислил. Говорит, что плохо работаем.

– И не начислит. Он что, дурак, что ли... Он нас может только использовать, как бесплатную рабочую силу, и все. Тут вообще никто никому денег не платит.

– Свет, а что делать?! Бежать? Но куда? На ночь дом запирают. Я к окну подхожу, и мне страшно становится. Кругом только лес и горы, горы и лес.

– Тем более что здесь народ дикий. Здесь есть хоть какой-то шанс вернуться на родину, но если нас в горах поймают, то у нас вообще никаких шансов не будет не то что куда-то вернуться, но даже и выжить.

– Что же делать?

Энергичная от природы, Ленка была не похожа сама на себя. Она сложила руки на коленях, как примерная школьница, а в ее глазах читалась бесконечная жалость. Жалость ко мне, к себе, к нашему настоящему и даже к нашему будущему. Больше у нее не было ни идей, ни планов, ни замыслов. Она сидела в оцепенении, не в силах вымолвить ни слова.

– Нужна машина, – неожиданно произнесла я.

– Что?

– Автомобиль.

– Для чего?

– Для того, чтобы сбежать. Мы же не можем носиться сломя голову по лесу и горам. Если мы сядем в машину, то сумеем добраться до Кемера, а там пойдем в первый попавшийся полицейский участок. Когда нас сюда везли, я видела, что рядом с домом стоял старенький микроавтобус и еще какой-то драндулет. Думаю, что хоть один из них на ходу.

– А ключи?

– С ключами нужно подумать. Наверное, они у Экрама. Придется его придавить.

– Как? Ты предлагаешь его убить?

– Ну почему сразу убить? Врезать ему, чтобы отрубился. А иначе как мы завладеем ключами?

Ленка слегка откинула голову и поправила упавшие на глаза волосы.

– Светка, мы должны что-то делать. Так долго продолжаться не может. Всему есть предел, даже собственному унижению и терпению. Я такой секс в гробу видела. Никаких прелюдий и хотя бы минимальных ласк. Чисто механический секс на сухую. А вчера ко мне вообще пришли два урода. Они мочалили меня несколько часов подряд, проделывали со мной все, что хотели. От страшной боли и унижения я потеряла сознание, а когда очнулась, уже никого

не было. Я долго редела и с трудом доплелась до душа, чтобы смыть с себя остатки чужого пота. Мне показалось, что мне разбили все внутренности. У меня даже открылось кровотечение. Вечером зашел Экрам и сказал, что господа мной недовольны. Мол, я плохо отработала, потеряла сознание, и им пришлось совокупляться с телом, которое даже не шевелилось. Он лишил меня денег и сказал, что если я буду так плохо работать, то он посадит меня на хлеб и воду. Я попросила позвать врача. Сказала, что у меня страшные разрывы и кровотечение. Он потребовал, чтобы я ему их показала. Мне уже все было безразлично, и я показала их Экраму. Он слегка побледнел и дал мне два дня выходных. Сказал, что никакой врач ко мне не приедет. Дал мне какую-то затягивающую мазь и велел немедленно привести себя в порядок. А позавчера мне вообще попался турок, склонный к садизму. Он лупил меня своими здоровенными кулачищами размером с мою голову. Я думала, что он меня просто порвет. Я пришла к Экраму в ссадинах и синяках за помощью. Просила его сделать какой-нибудь успокоительный укол, говорила, что я даже не могу сидеть, не то что работать. Но Экрам налил мне полный стакан турецкой водки и сказал, что это самое лучшее успокоительное. Я выпила его до самого дна и в самом деле почувствовала себя лучше. Ты когда-нибудь пробовала турецкую водку?

– На отдыхе с мужем. Такая гадость. На микстуру от кашля похожа.

– Меня тоже наизнанку всю вывернуло, но затем ничего, полегчало. Если тебе тоже плохо, ты сходи к Экраму, попроси и тебе налить. Он не откажет. Я сегодня опять пошла, и он мне еще налил. Может, сопьюсь. Да какая мне уже разница. Мне терять нечего. Эти турки такие странные. Одни трахают с каменными лицами и даже словечка не скажут, а другие это проделывают с такой ненавистью и злобой, что кажется, будто еще немного – и они тебя на тот свет отправят.

– Господи, как там мои дети? – Я тихонько всхлипнула, но поняла, что даже на то, чтобы заплакать, у меня просто нет сил.

– Не переживай. Ты же их не с чужим человеком оставила, а с собственной матерью. Денег на первое время тоже дала. Господи, могла ли я даже подумать, что настанет время, когда я стану проституткой... Я бы никогда в это не поверила. Никогда. Правда, у меня была одна знакомая, которая этим занималась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.